

КЪ БІОГРАФІИ Н. В. ЛИСЕНКА.

(Воспоминанія М. Старицкаго).

Я остался круглымъ сиротою на 12 году и былъ принятъ опекуномъ моимъ, дядей по матери, В. Р. Лисенкомъ въ свою семью, въ которой впервые и увидѣлъ троюродного брата своего—Николая; мы были почти однолѣтки (Лисенко моложе меня на годъ съ небольшимъ) и сразу же сошлись съ нимъ душа въ душу.

Хотя мы воспитывались и въ разныхъ гимназіяхъ (я—въ полтавской, а онъ—въ харьковской), но праздники и каникулы проводили всегда вмѣстѣ, въ одной семьѣ, ставшей и мнѣ за родную. Въ нашей дѣтской дружбѣ все было общее: и радость, и горе, и дѣлились мы каждой мыслью, каждымъ настроеніемъ, не скрывая другъ отъ друга ничего. Съ университета (сначала харьковского, а потомъ кіевского) мы идемъ почти неразлучно по жизненному пути... Общность убѣжденій и національныхъ симпатій сблизила насъ еще больше; а далѣе—я женился на сестрѣ его Софіи Витальевнѣ и по родству сталъ еще ближе. Все это я сказалъ для того, чтобъ пояснить, что отрочество, молодость и годы зрѣлости брата моего Николая Витальевича протекли при мнѣ, и не только вышнія сторона его жизни, но и внутренняя—мнѣ такъ-же близка и извѣстна, какъ и своя собственная. Этими воспоминаніями я хочу подѣлиться съ читателями, будучи убѣжденъ, что и бѣгло набросанныя черты жизни и душевнаго развитія нашего славнаго композитора, культиватора народной украинской музыки, не будутъ для почитателей его таланта безынтересны.

Фамилія Лисенковъ происходитъ отъ древняго козачьяго рода, отличившагося воинскими доблестями и попавшаго въ старшину еще при Богданѣ Хмельницкомъ. Отецъ Николая, Виталій Романовичъ, принадлежалъ къ дворянамъ полтавской губерніи и служилъ, по тогдашнимъ традиціямъ, въ Орденскомъ Кирассирскомъ полку; а мать его—изъ фамиліи Луценокъ (тоже родственной Лисенкамъ)—провела свою молодость въ Петербургѣ и воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ. А потому, насколько отецъ Николая чувствовалъ себя малороссомъ, просто въ силу хотя бы того обстоятельства, что вся жизнь его протекала исключительно на югѣ,—настолько мать его чувствовала себя великоросской и тяготѣла болѣе къ сѣверу.

Н. В. Лисенко родился 10 марта 1842 года въ с. Гриньгахъ, кременчугскаго уѣзда, полтавской губ., въ домѣ дяди его матери, Н. П. Болюбаша. Будучи первенцомъ у родителей и единственнымъ внукомъ бездѣтнаго Н. П. Болюбаша, воспитавшаго мать Николая и считавшаго ее единственной своей наслѣдницей, новорожденный былъ окруженъ съ колыбели лаской, любовью и роскошью. Вирочемъ, нашему будущему композитору не пришлось жить долго въ Гриньгахъ: ранняя молодость его протекала больше въ Крыловѣ, нынѣшнемъ Новогеоргіевскѣ, гдѣ стоялъ Орденскій Кирассирскій полкъ. Въ Гриньки, къ дѣдушкѣ и бабушкѣ, приходилось ему прѣѣзжать лишь съ родителями на короткое время, въ гости.

Двоюродный дѣдъ Николая, Н. П. Болюбашъ, владѣлъ шестью сотнями крестьянъ, былъ маршалкомъ и вліятельнымъ въ уѣздѣ лицомъ; онъ иначе не говорилъ, какъ по-малорусски, обожалъ своего внука, получившаго въ честь его свое имя, и навѣрное навѣялъ бы и ему народныя симпатіи, такъ какъ и самъ любилъ и дорожилъ національной простотой. Жена его, бабушка Н. В.—Марья Васильевна, была добрѣйшее существо; хотя она говорила уже смѣшаннымъ языкомъ, но любила малорусскія пѣсни, рассказы и даже сказки. Вообще эта семья Болюбашей представляла изъ себя типъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», начинавшихъ уже выводиться... И вотъ, къ несчастью, Н. П. Болюбашъ скоропостижно умеръ, оставивъ Лисенкамъ богатое наслѣдство, но не оказавъ никакого нравственнаго вліянія на своего любимаго внука.

Отецъ Лисенка былъ и до полученія наслѣдства человѣкъ не бѣдный: имѣлъ родовое имѣніе въ с. Галицкомъ, кременчугскаго уѣзда, совмѣстно со своими родными братьями Андреемъ и Иваномъ, давав-

шее приличный доходъ, и состоялъ еще эскадроннымъ командиромъ; это, вмѣстѣ съ субсидіями, получавшимися отъ дяди, давало возможность молодому супружеству жить припѣваючи.

Первое дѣтство Лисенка было обставлено роскошно; разодѣтый въ бархатъ и кружева, онъ переходилъ изъ однихъ рукъ въ другія и сталъ баловнемъ не только родныхъ, но и офицеровъ; послѣдніе горячо любили своего товарища, Виталія Романовича, его жену и перенесли эту любовь и на сына ихъ Николая. И ласки, и угодливость, и баловство вскорѣ отразились на характерѣ ребенка, проявивъ въ немъ при деспотизмѣ желаній и настойчивость въ требованіи исполненія ихъ. Разъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ и раскапризничался не въ мѣру, мать пригрозила, что если онъ не уймется, то позовутъ повара Карпа, чтобъ его высѣкъ... И что же? Ребенокъ сталъ еще болѣе кричать: «Карпо иди, сѣки меня!»—и требовалъ этого Карпа для экзекуціи такъ настойчиво, что растерявшіеся родители должны были увѣрить сына, даже сводивъ его на кухню, что Карпо отправился въ деревню и что когда онъ вернется, то непременно исполнить его желаніе. Очевидно, ребенокъ сознавалъ, что мать не допуститъ такого наказанія, и требованіемъ экзекуціи хотѣлъ наказать ее за обидное слово. Эти черты настойчивости и упорства, получившія начало на почвѣ дѣтскаго своеволя, окрѣпили впослѣдствіи, при другихъ, уже болѣе серьезныхъ, обстоятельствахъ, и сослужили ему службу въ жизненной борьбѣ съ врагами его міровоззрѣній. Но въ тѣ юные, дѣтскіе годы никто бы въ избалованномъ барченкѣ не могъ провидѣть будущаго отрицателя барства и борца за народное счастье, выступившаго въ поле не съ мечомъ въ рукахъ, а съ лирой и съ пѣсней...

Первое воспитаніе нашего композитора было поведено на аристократическій ладъ: чистый французскій языкъ, изысканныя манеры, танцы и свободное держаніе себя въ гостинной—вотъ что требовалось отъ ребенка. Изъ искусствъ допускалась еще игра на фортепяно: во-первыхъ, она составляла бонтонность, а во-вторыхъ и покойные отецъ и мать Лисенка очень любили музыку. Мать Николая прекрасно играла на роялѣ, отецъ же его, хотя и не звалъ нотъ, но очень любилъ импровизировать на фортепяно и подбирать по слуху всевозможныя мелодіи. Такъ какъ Николай проявилъ съ дѣтства любовь къ игрѣ на фортепяно (иногда по цѣлымъ часамъ простаивалъ и подбиралъ однимъ пальцемъ мотивы), то родители рѣшили, что у него есть призваніе къ музыкѣ, и наняли ему съ пяти лѣтъ учительницу музыки.

Первые уроки грамоты Николай получил отъ матери на французскомъ языкѣ, по «Educacion maternelle». Служившій въ томъ же Орденскомъ полку извѣстный поэтъ Феть даже упрекалъ мать Лисенка, что она учила сына первой азбулкѣ французской, и взялся самъ учить его русской. Такъ какъ ири урокахъ поэтъ заставлялъ своего ученика писать буквы карандашемъ, то послѣдній сталъ приставать ко всѣмъ офицерамъ съ просьбой дать карандашикъ, за что и прозвали его въ полку «карандашикомъ».

Но и въ полку долго ему жить не пришлось: въ 1838 г. умеръ неожиданно отъ холеры дядя Болюбанъ, и отецъ Лисенка долженъ былъ оставить службу и переселиться для веденія хозяйства въ Гриньки, полученныя въ наслѣдство. Шумъ и гамъ полковой смѣнился элегической тишью села, а баловство офицеровъ—баловствомъ бабушки Марьи Васильевны, обожавшей своего внука. Любовь матери и бабушки, которую впрочемъ всѣ мы звали тетей, часто сталкивались въ соперничествѣ, чѣмъ пользовался молодой Лисенко для своихъ прихотей, а имъ не было ни преградъ, ни предѣловъ.

Родители Лисенка поселились въ домъ тетки-вдовы въ Гринькахъ. Этотъ домъ былъ невеликъ и укрытъ соломой. Въ это время у Николая былъ уже братъ Витя, умершій четырехъ лѣтъ, а потомъ явилась и сестра Софія; если прибавить къ увеличенной семьѣ гувернантку, музыкантшу, экономку, няню, мамку и другую прислугу, то будетъ совершенно понятно, что такое стѣсненіе для Лисенковъ, привыкшихъ къ широкой обстановкѣ, было не по душѣ. Вслѣдствіе этого отецъ Лисенка задумалъ построить для себя отдѣльный удобный домъ въ другомъ имѣніи, въ м. Жовнинѣ на Сулѣ, лежащемъ въ двадцати пяти верстахъ отъ стѣнныхъ, безводныхъ Гринекъ. Постройка этого дома почему-то шла медленно и была окончена лишь черезъ четыре года, такъ что первое дѣтство Лисенка все-таки прошло въ Гринькахъ. Здѣсь то надъ нимъ и столкнулось два совершенно противоположныхъ и даже враждебныхъ вѣяній: съ одной стороны—французскій языкъ, манеры и аристократическая чопорность (мать и гувернантка), съ другой—малорусскій языкъ (бабушка и ея экономка, рѣшительно не умѣвшая говорить по-русски, няня да бабушкины дивчата), баловство и излишняя простота манеръ. Первая сторона преслѣдовала не только простонародное слово, но даже и русское, запрещая всякія сношенія съ неизанями, а вторая—наоборотъ—поощряла всякую простоту, занимала умъ и фантазію ребенка

сказками народными и пѣснями, а по вечерамъ отпускала весь полкъ служанокъ для забавъ съ паннечемъ; конечно, забавы эти заключались въ разнообразныхъ народныхъ играхъ...

Протесты матери здѣсь оказались безсилны: упорная настойчивость и слезы ребенка, поддерживаемая энергіей обожавшей своего внука вдовы, перевѣшивали протесты, тѣмъ болѣе, что и отецъ сталъ на сторону тетки.

Въ эти годы, кромѣ обычнаго начальнаго ученія, шли съ мальчикомъ занятія на фортепьяно; эти занятія онъ любилъ, особенно игру въ четыре руки, и вообще дѣлалъ въ музыкѣ быстрые успѣхи. Техника ему давалась чрезвычайно легко, музыкальная память съ первыхъ шаговъ проявилась въ необычайныхъ размѣрахъ; шестилѣтній ребенокъ поражалъ всѣхъ и бѣглостью и чистотою своей игры, и даже въ извѣстной мѣрѣ чувствомъ при выполненіи сложныхъ піесъ. Кромѣ того, онъ съ удивительной легкостію усваивалъ мотивы и подбиралъ ихъ съ гармонизаціей на роялѣ.

Въ этотъ періодъ я и познакомился впервые со своимъ кузеномъ. Мать моя, потерявъ родителей и дѣтей, жила въ 1850 и 51 году въ Захаровкѣ и оттуда навѣщала изрѣдка своего двоюроднаго брата В. Р. Лисенка въ Гринькахъ, куда брала съ собою и меня. Тутъ то и завязалась было наша дѣтская дружба, но въ ту-же осень меня отвезли въ Полтаву и опредѣлили въ благородный пансіонъ при гимназіи, гдѣ я и былъ по экзамену зачисленъ во 2-й классъ, а Лисенко былъ отвезенъ въ Кіевъ и опредѣленъ въ аристократическій пансіонъ Вейля, помѣщавшійся на Фундуклеевской ул. Впрочемъ въ этомъ пансіонѣ онъ пробылъ всего мѣсяца три: суровое обращеніе и плохой, впроголодь, столъ заставили родителей его прилетѣть въ Кіевъ и перевести холенаго любимчика въ пансіонъ Гедуэна, находившійся въ Липкахъ; въ немъ Лисенко и окончилъ полный курсъ, т. е. три класса, и оттуда перешелъ уже въ IV классъ 2-й Харьковской гимназіи. Первые мѣсяцы пребыванія въ пансіонѣ (Вейля и Гедуэна) Лисенко каждую субботу и воскресенье проводилъ у моей матери, жившей тогда въ Кіевѣ для лѣченія; къ ней онъ, при своемъ одиночествѣ, привязался всей душой. Это обстоятельство сблизило мою мать съ родными Лисенка, а особенно съ отцомъ, такъ что въ своемъ завѣщаніи она и назначила его опекуномъ, а тетю, сестру свою Елисавету Захарьевну, опекушкой надо мною.

Будучи у Вейля, Николай бралъ уроки музыки у нѣкогого Нейн-квича, чеха. Послѣдній самъ не игралъ на роялѣ, но такъ умѣлъ дивно преподавать, что одними объясненіями достигалъ и выработки ученикомъ тушѣ, и пониманія имъ каждой музыкальной фразы. Когда молодой Лисенко пріѣхалъ на первые рождественскіе праздники домой и сыгралъ своей учительшѣ, паннѣ Розаліи, пройденныя въ пансіонѣ піесы,—то она сначала окаменѣла отъ изумленія, а потомъ истерически разрыдалась.

У Гедуэна перешелъ Николай по фортепью къ Паночини—тоже чеху. Этотъ уже самъ блестяще игралъ и, давая ученику новую піесу, не объяснялъ ее, а демонстрировалъ собственнымъ исполненіемъ ея красоты. У него Лисенко разучилъ довольно трудныя варіаціи на оперу «*Dame blanche*», а также болѣе легкія переложенія Листа. Паночини особенно напиралъ на технику и стремился развить у своего ученика блестящую бѣглость и чистоту тушѣ.

На первые рождественскіе каникулы я пріѣхалъ въ Захаровку и засталъ уже тамъ мою мать, выздоровѣвшую, какъ мнѣ казалось, совсѣмъ. Мы два раза ѣздили съ ней изъ Захаровки въ Гриньки, гдѣ насъ принимали тепло и радушно. Съ своимъ кузеномъ я встрѣтился съ восторгомъ, какъ съ близкимъ роднымъ, и мы сейчасъ же побѣжали въ его комнату: передавали другъ другу впечатлѣнія пансіонской жизни, при чемъ, конечно, каждый хвастался и отстаивалъ свое заведеніе. Лисенко кичился Кіевомъ, какъ столицей, своимъ пансіономъ, въ которомъ воспитывались и сыновья гитолованныхъ польскихъ магнатовъ, а я насмѣхался надъ этимъ аристократизмомъ, хотя въ душѣ чувствовалъ зависть, и отстаивалъ свою гимназію, доказывая, что она даетъ больше серьезныхъ знаній. Вскорѣ, впрочемъ, мнѣ пришлось совсѣмъ переселиться въ семью Лисенковъ и слиться съ ней навсегда. Здоровье матери моей снова ухудшилось къ лѣту, и она къ осени должна была отправиться въ Кіевъ, гдѣ уже и осталась на вѣки. Я сталъ круглымъ сиротой, будучи въ третьемъ классѣ гимназіи, и на каникулы, по переводѣ въ четвертый, уже совсѣмъ перѣхалъ въ Гриньки. Съ этого времени мы стали съ Лисенкомъ закадычными друзьями и разлучались съ нимъ лишь на время занятій: онъ отправлялся въ Кіевъ, а я въ Полтаву; но и во время разлуки мы переписывались постоянно, и письма наши дышали неподдѣльной дѣтской привязанностью.

Учился Лисенко въ пансіонѣ прекрасно: былъ въ ряду первыхъ учениковъ и привозилъ при переходахъ въ высшіе классы всегда наградныя книги. Въ музыкѣ Николай оказывалъ колоссальныя успѣхи, и еще будучи въ первомъ классѣ, т. е. лѣтъ 9-ти, онъ сочинилъ ужъ довольно миленькую польку, съ правильнымъ развитіемъ темы и звучной гармонизаціей; эта полька и была напечатана въ Кіевѣ. Міровоззрѣніе у Лисенка все еще продолжалось аристократическое, поддерживаемое направленіемъ пансіона и домашними традиціями—выѣздами въ каретахъ, съ ливрейными лакеями и панской обстановкой.

Помѣщичья жизнь тогда еще текла широкой волной. Праздники, а особенно рождественскіе, проводились шумно и весело; чуть-ли не въ продолженіе 2-хъ недѣль, семь-восемь сосѣднихъ семействъ, съ прибавкой молодежи, съѣзжавшейся издалека, переѣзжали изъ одного дома въ другой, и въ каждомъ гостили дня по два, наѣдаясь до отвалу и «натанцовывалась» до упаду. Само собою разумѣется, что обѣ куты, по старосвѣтскому обычаю, соблюдались тогда у насъ строго и праздновались большей частью дома, съ канонадой изъ мушкетеръ и двухъ пушекъ, доставшихся въ наслѣдство отъ Болюбаша. Отецъ Лисенка былъ искренне-религіозенъ, и это настроеніе отражалось и на нашей молодой жизни. На Свѣтлые праздники мы разѣзжали тоже по роднымъ и сосѣдямъ; но разливъ рѣкъ Сулы и Днѣпра затруднялъ сообщенія, да и самыя вакаціи были короче. За то какое раздолье было намъ лѣтомъ! Хотя каникулы тогда были короче теперешнихъ—отъ половины іюня лишь по 10-е августа,—но насъ въ эти два мѣсяца трудно было и залучить въ домъ: по цѣлымъ днямъ мы бѣгали то по двору, то по саду; играли въ мяча, запускали змѣя, стрѣляли изъ лука, ѣздили верхомъ (я всегда—плохо, а Николай—превосходно). Что же касается учебниковъ, то лѣтомъ мы къ нимъ не прикасались; только для музыки Лисенко дѣлалъ исключеніе и аккуратно два раза въ день занимался игрой на фортепьяно. Онъ уже исполнялъ серьезныя концертныя пьесы, напр.: «Пробужденіе Льва» Конскаго и переложенія Листа. Музыкальная память у него развивалась изумительно: разъ, два проиграетъ бывало большую пьесу—и уже играетъ ее на память. Я тоже, по ходатайству своего друга, началъ брать уроки музыки въ пансіонѣ, но особенныхъ успѣховъ въ ней не оказывалъ: былъ счастливъ и тѣмъ, что могъ играть въ четыре руки съ Николаемъ.

По вечерамъ мы забавлялись съ челядью въ различныя народныя игры, въ которыхъ предводительствоваль всегда я. Въ нестерпимую жару и въ ненастную погоду забирались мы въ прохладную гостинную, на длиннѣйшій диванъ, и читали интересныя дѣтскія книги и журналы. Помню, что насъ тогда особенно увлекали—Робинзонъ Крузо, Айвенго и Графъ Монтекристо. Тетя любила слушать жестокіе романы и часто засаживала насъ читать ей вслухъ, а мать Николая превосходно читала по-русски, особенно стихи, и для насъ не было большаго праздника, когда она соглашалась прочесть намъ баллады Жуковского, а особенно «Ундиину»; за это мы обязаны были сдѣлать диктовку по-французски, а также заняться и переводами.

Какъ я выше сказалъ, семейству Лисенковъ было тѣсно въ Гринькахъ, и отецъ его затѣялъ давно выстроить домъ въ м. Жовнинѣ. Тамъ было превосходное, живописное мѣсто на горѣ, по которой опускался къ левадѣ фруктовый садъ, а самая левада была покрыта густыми вербами, яворами, орѣшникомъ, и тянулась почти до Сулы. Съ горки, гдѣ строился домъ, открывался роскошный видъ на заднѣпровскія дали съ синѣющими горами и на задумчивыя луга, сторожившіе прихотливыя изгибы Сулы.

Этотъ домъ былъ готовъ, когда я перешелъ въ V классъ, а Лисенко окончилъ курсъ у Гедуэна. Мы были въ восторгѣ и тѣ каникулы провели роскошно: и обширный, хорошо устроенный домъ, и чудный садъ, и прохладныя аллеи внизу, и рѣка—все намъ доставляло новыя радости и развлечения. Чуть ли не большую часть дня проводили мы на берегу тихой и ласковой Сулы; купались въ день два, три раза, удили рыбу, гуляли по лугамъ и вслушивались въ народныя пѣсни: тамъ недалеко, у мельницы, собиралась улица, пѣли парубки и дѣвчата, а иногда и раздавалось унылое, одинокое женское солю. Мы, малыши, боялись тогда подходить къ толпѣ, а слушали пѣсни только со своей левады; но тѣмъ не менѣе и гулянье молодежи, и пѣсни ея производили на насъ впечатлѣніе. Я помню, что нѣкоторые мотивы, особенно намъ понравившіеся, Николай записывалъ въ ноты и сообщалъ своей бабушкѣ, любившей очень пѣсни, а особенно родныя, народныя. У Марьи Васильевны была воспитанница Люба, обладавшая чуднымъ голосомъ,—она и распѣвала тогда и русскіе, и малорусскіе романсы.

Жовнинъ былъ почти по сосѣдству съ Галицкимъ и Клищинцами, отстоявшими отъ Гринекъ верстъ на тридцать; а потому теперь

мы часто видались съ тамошними Лисенками: въ Галицкомъ жила семья родного дяди Николая, Андрея Романовича, а въ Клищинцахъ жилъ мой родной дядя (по матери) Александръ Захаревичъ. Андрей Романовичъ былъ женатъ на бѣлорусскѣ, а потому семья его была обрусѣлой; пѣлись тамъ больше великорусскія народныя пѣсни: «Матушка голубушка», «Лучина лучинушка», «Я пойду, пойду косить», но среди нихъ попадались и малорусскія:—«Ой хто въ лиси озовыся», занесенныя вѣроятно Александромъ Захаревичемъ. Послѣдній, вопреки волѣ родителей, женился на простой крестьянкѣ. Домашній языкъ у моего дяди былъ, конечно, малорусскій, да и въ гостяхъ онъ любилъ щегольнуть имъ. Будучи по фигурѣ и по чертамъ лица типичнымъ запорожцемъ, Алекс. Захар. любилъ и запорожскую удаль, и старыя пѣсни; конечно, эта платоническая любовь не облекалась въ какія-либо идейныя стремленія, а составляла лишь его поэтическое настроеніе, но тѣмъ не менѣе въ этомъ настроеніи сказывалось враждебное чувство къ панскому обрусѣнію и отщепенству отъ народа. Я съ Николаемъ стали чаще ѣздить къ тѣмъ «родичамъ» въ гости. Въ Галицкомъ разъ достали мы отъ Андр. Ром. запрещенныя стихотворенія Шевченка и цѣлую ночь читали ихъ, восторгаясь и формой, и словомъ, и смѣлостью содержанія. Что меня увлекалъ этотъ звучный, страстный стихъ, было неудивительно—онъ мнѣ былъ съ дѣтства близокъ, но Лисенко, привыкшій къ русской, или французской рѣчи, былъ особенно пораженъ и увлеченъ музыкальной звучностью и силой простого, народнаго слова. Съ этого времени и я пересталъ этого слова стыдиться; а потомъ знакомство и сближеніе наше съ дядей Александромъ, или Олексашей, утвердило насъ еще больше въ симпатіяхъ къ малорусскому языку и малорусской старинѣ. Дядя зналъ много запорожскихъ думъ и пѣсень, пѣлъ ихъ выразительно, съ чувствомъ и производилъ сильное впечатлѣніе. Лисенко впервые сталъ отъ него записывать мотивы и слова этихъ пѣсень, напр., «Ой не гараздъ запорожци, не гараздъ вчынылы», «Атамане, батьку нашъ», «Встае хмара зъ-за лымана».

Для насъ не было тогда большого праздника, какъ поѣхать къ Ал. Зах. въ гости. Все у него было оригинально и полно поэтической шири. Прежде всего радушію и гостепримству его не было конца; второе—у него были сыновья, мои двоюродные братья—Петръ и Порфирій, хотя и старше насъ, но все-же сверстники, третье—всегда они для насъ, конечно при участіи и своего батька, устраивали или

охоты, или рыбныя ловли. Отправимся бывало къ заливамъ Сулы съ неведомъ, съ ятеріями, съ подсакими и наловимъ, при общемъ радостномъ настроеніи и взрывахъ восторга, массу рыбы и раковъ, а то настрѣляемъ еще и дичи, т. е., вѣрнѣе сказать, настрѣляютъ кузены, а мы еще едва могли держать ружье въ рукѣ. Но тѣмъ не менѣе всякая удача и добыча считались тогда общей, какъ общее было и веселье. Послѣ охоты и ловли, тутъ же на берегу Сулы, при поэтической обстановкѣ и нѣжно-ласковомъ вечерѣ, а то и при пышной ночи, готовился на кострѣ ужинъ; мы все принимали участіе въ кулинарныхъ трудахъ, но надсматривалъ за кашеварами самъ дядя, какъ кошевой атаманъ. Лучшей ухи изъ животрепещущей рыбы, лучшаго кулиша, заправленнаго саломъ и свареннаго съ дикими утками, я не ѣдалъ нигдѣ; кромѣ молодого аплетита, возбужденнаго свѣжимъ ароматнымъ воздухомъ и физическимъ трудомъ, составляющимъ лучшую приправу къ блюду, я полагаю, что эти снѣди были и безотносительно превосходны. Здѣсь же, за вечею, подъ звѣзднымъ небомъ и рассказывалъ намъ дядя про запорожцевъ, про ихъ житье-бытье, про бывшую славу и волю, а то и пѣлъ пѣсни. Разказы его и пѣсни западали намъ въ душу глубоко, будили національное чувство, уносили фантазію въ прошлое, полное чаръ и величія. Какъ я сказалъ выше, дядя нашъ говорилъ всегда по-малорусски, и этотъ языкъ былъ единственнымъ языкомъ въ его семьѣ; бывая у него, я чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ; но Николаю было сначала нѣсколько трудно подѣлаться подъ общую рѣчь, хотя онъ и старался. Дядя бывало говорилъ:—«Ну, тебе, Мыхайло, можно хочъ заразъ у кошъ, а це це паненя, хочъ и зъ козачымъ сердцемъ!»—У дяди нашелся между прочимъ и первый напечатанный кобзарь Шевченка, и Энеида Котляревскаго. Потомъ уже, будучи въ 5-мъ классѣ, я и самъ купилъ въ Полтавѣ Шевченка и Энеиду. Бабушка слушала чтеніе этихъ книгъ съ наслажденіемъ. И такъ, съ увѣренностью можно сказать, что первые корни національнаго чувства зародились у Лисенка подъ вліяніемъ бабушки и при сближеніи въ играхъ съ народомъ, а потомъ они проявились поэтически при знакомствѣ съ Ад. Зах. Народное настроеніе стало съ того времени проникать и въ музыкальный талантъ Лисенка: во-первыхъ, онъ сталъ записывать мелодіи старинныхъ пѣсенъ и подбирать къ нимъ аккомпаниментъ, а во-вторыхъ—сталъ при-сочинять козачки и исполнять ихъ на фортепьяно съ такимъ блескомъ.

и шикомъ, передъ которымъ блѣднѣли и цимбалы, и скрипка съ бубномъ.

По окончаніи курса у Гедуэна, Николай долженъ былъ уже поступить въ четвертый классъ гимназіи. Началь онъ слезно молить своихъ родителей, чтобы не оставляли его въ Кіевѣ, совершенно чужомъ городѣ, одного, а чтобы перевели въ Полтавскую гимназію, гдѣ мы были бы вмѣстѣ. За переводъ изъ Кіева стояли, кажется, всѣ, опираясь на то, что онъ самый отдаленный отъ родного помѣстья городъ—до 300 верстъ. тогда какъ Полтава лежала лишь въ 120 в., а Харьковъ—въ 230. И такъ, этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу нашу; но относительно Полтавы и Харькова было колебаніе; мы же настаивали лишь на одномъ:—чтобы быть вмѣстѣ. Однако наше желаніе не сбылось. Полтавскій дворянскій пансіонъ признанъ былъ родителями Лисенка за мужицкій хлѣвъ, да и сама гимназія—вульгарной; а въ Харьковѣ, въ университетскомъ городѣ, нашелся дальній родственникъ Лисенковъ, профессоръ Борисякъ, согласившійся пріютить въ своихъ салонахъ отдаленнаго своего племянника за солидную, по тогдашнимъ цѣнамъ, плату—700 руб. въ годъ. Для меня у него не оказалось мѣста, а можетъ быть опекуны мои считали такую высокую плату для меня непосильной. Однимъ словомъ, я остался и на 5 кл. въ дворянскомъ пансіонѣ, и только съ 6-го перешелъ въ частный пансіонъ Ганота, а Николай застрялъ въ Харьковѣ, поступивъ въ IV кл. 2-й гимназіи, въ которой потомъ и окончилъ гимназическій курсъ. Сначала онъ жилъ у профессора Борисяка, а потомъ у доктора Гюббинета, державшаго у себя три-четыре пансіонера изъ аристократическихъ семействъ. Жизнь наша въ этотъ трехлѣтній періодъ мало чѣмъ отличалась отъ прежней; конечно, мы росли, крѣпили тѣломъ и заражались мало-по-малу всякими юношескими стремленіями. Дружба наша съ каждымъ годомъ еще больше росла. Мы, какъ старшему и какъ представителю болѣе развитой гимназіи, Николай болѣе довѣрялъ, чѣмъ традиціямъ шаблонной морали своихъ воспитателей, и подъ вліяніемъ моего дяди и моимъ болѣе склонялся къ демократическимъ симпатіямъ, чѣмъ къ великопанскимъ. Каникулы и праздники неизмѣнно проводили мы то въ Жовнинѣ, то въ Гринькахъ. Кромѣ обычныхъ развлеченій въ залахъ и гостинныхъ, а также и удовольствій на лонѣ природы, мы много тогда читали громко другъ другу, переживая душой всѣ перипетіи жизни героевъ. Читали, между прочимъ, съ жадностью изъ тетиной бібліотеки романы Вальтеръ-Скотта, Дюма,

Эжена-Сю, Бальзака,—конечно въ переводѣ на русскій языкъ, и даже воровали у гувернантки, состоявшей при сестрѣ Николая Софіи и меньшемъ его братѣ Андреѣ, Польдекока, на французскомъ языкѣ, знаніе котораго мы и развивали на послѣднихъ романахъ. Кромѣ того, родители Лисенка выписывали много газетъ и журналовъ (Отечеств. Зап., Современникъ, и Журналъ для юношества). Въ это время Севастопольская война была окончена, наступала заря освобожденія крестьянъ и гуманнхъ реформъ. Цензура была ослаблена и дала просторъ русской мысли. Все заговорило: либеральныя идеи закружились и въ юныхъ, и въ сѣдыхъ головахъ, общественные интересы и грядущія преобразованія стали темой не только у зеленыхъ столовъ, но и у дамскихъ козетокъ. Съ одной стороны, вѣяніе свободы опяняло молодые умы и сулило радужную, полную заманчивыхъ перспективъ жизнь; съ другой стороны—у стариковъ и вообще у всѣхъ помѣщиковъ вызывало серьезныя опасенія, что эмансипація разоритъ дворянъ и вызоветъ на свѣтъ «Раззуваемыхъ»... Все это—и опасенія, и лучезарныя мечты—поднимало пульсъ общественной жизни и наполняло лихорадочною тревогой сердца. Стали появляться новые органы печати, и консервативныя, и прогрессивныя; публика накидывалась на нихъ и проникалась жаждой борьбы. На наши умы, полудѣтскіе, полу-юношескіе, эта общественная струя производила пріятное оживленіе. Конечно, мы не проникали глубоко въ значеніе грядущихъ переворотовъ, но они занимали насъ, какъ занимали и волли «Коробочекъ», и вздохи «Маниловыхъ», и скрежеты «Собакевичей»... (Мы тогда увлекались тоже «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки», «Тарасомъ Бульбой» и «Похожденіями Чичикова»).

Въ то время Полтава была просто захолустный городъ, въ которомъ текла патріархальная, почти деревенская жизнь; достаточно сказать, что въ нашей столицѣ не было ни театра, ни кондитерскихъ, ни кофеенъ, или ресторановъ съ билліардами, ни даже гостинницъ съ машинами, или цыганскими хорами, куда-бы стекалась мѣстная молодежь (я не говорю о дворянскомъ клубѣ). Потребности театральныхъ зрѣлищъ удовлетворялъ изрѣдка кружокъ любителей, ставившихъ исключительно: «Наталку Полгавку», «Москаля Чаривныка», «Сватанія» съ какимъ-нибудь русскимъ водевилемъ съ пѣніемъ. На эти спектакли поч. попечитель гимназій присылалъ всегда въ пансіонъ 20 билетовъ. Мнѣ и теперь кажется, что лучше этихъ спектаклей я ничего въ жизни не видѣлъ,—до того впечатлѣніе отъ нихъ было сильно.

Вслѣдствіе такой патріархальной глуши, гимназистъ нашъ, съ одной стороны, лишень былъ соблазнительныхъ приманокъ разгула, а съ другой—былъ дикъ и не отшлифованъ. Съ харьковскимъ гимназистомъ щеголемъ, изучившимъ и тайны клоштосса, и цыганскій шикъ, и закулисные ходы, нашему брату нечего было и тягаться, но по умственному и общественному развитію наша полтавская гимназія стояла неизмѣримо выше и выпускала воспитанниковъ и съ болѣе солиднымъ умственнымъ багажемъ, и съ прогрессивно-гуманнымъ міровоззрѣніемъ. Не могу не упомянуть о такихъ незабвенныхъ для насъ учителяхъ-просвѣтителяхъ, какъ Стеблинъ-Каменскій, Стронинъ. Но несмотря на то, что харьковская гимназія и жизнь могли бы воспитать у Лисенка лишь барскіе инстинкты,—онѣ не оказали на него въ этомъ отношеніи никакого вліянія: противовѣсомъ этимъ наноснымъ вѣяніямъ были впечатлѣнія дѣтства да творческая душа юности, увлеченная волной народной музыки и поэзіи, а главное врожденная честность мысли,—онѣ то стояли насторожѣ возлѣ нашего композитора и превратили извѣженнаго, избалованнаго ребенка-аристократа въ убѣжденнаго демократа и стойкаго борца за право и слово родного народа.

Музыкальныя занятія Лисенка въ Харьковѣ шли такъ-же успѣшно, какъ и въ Кіевѣ; учителями его были: сначала Вольнеръ—безцвѣтная личность, а потомъ Дмитріевъ—прекрасный виртуозъ. Онъ старался отшлифовать врожденную Лисенку бѣглость игры и придать ей блестящій оттѣнокъ. Изучалъ съ нимъ Бетховена, Моцарта, — вообще знакомилъ съ классиками.—Послѣднимъ учителемъ былъ чехъ Вильчикъ.

Игра Лисенка окрѣпла, стала осмысленной; техника и сила развивались неимоვნю, а вмѣстѣ съ ними усваивался изящный вкусъ въ исполненіи, сказалась врожденная теплота души. Лисенко у Вильчика сталъ изучать Шопена. И Бетховена, и Шопена онъ исполнялъ уже мастерски и увлекалъ своею игрою слушателей. Но странно, что послѣ сочиненной имъ въ дѣтствѣ польки я не помню въ этотъ почти пятилѣтній періодъ другихъ его композицій. Импровизировать, правда, онъ могъ до безконечности, но большей частью танцы, напр.—козачки, метельцы, польки, галопа, вальсы и кадрили изъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. На всѣхъ вечерахъ и раутахъ Лисенко былъ пріятнѣйшій и дорогой гость: онъ очаровывалъ общество своей концертной игрой, охотно самъ танцевалъ и игралъ для танцевъ; отличался

кромѣ того заразительной веселостью и плѣняль барышень, кромѣ игры, еще своей холеной красотой.

В VI-мъ классѣ я жилъ уже не въ пансіонѣ, а у учителя французскаго языка Ганота, гдѣ пользовался, конечно, большей свободой. Разъ пошелъ я пофлаанировать по Александровской улицѣ, чтобъ освѣжить голову, задуренную экзаменною работою, и зашелъ случайно въ книжную лавченку. Книгопродавецъ показалъ мнѣ, какъ новинку, «Записки о Южной Руси» Кулиша и его-же историческій романъ «Чорну Раду». Послѣдняя меня поразила: я до сихъ поръ читалъ на малорусскомъ языкѣ лишь Шевченка да Котляревскаго; первый, конечно, трогалъ меня глубокимъ содержаніемъ и прелестью стиха, но по формѣ и по лексикѣ этотъ стихъ приближался къ народной пѣснѣ. Сиѣшу оговориться, что въ то время мы были знакомы еще съ весьма немногими произведеніями Шевченка: Катерына, Наймычка, Иванъ Пидкова; ни «Посланіе», ни «Думы» не были еще знакомы намъ,—я уже не говорю о Кавказѣ и другихъ подобныхъ произведеніяхъ Шевченка. Котляревскій же смѣшилъ меня юморомъ, но не будилъ даже предположенія о возможности писать на этомъ языкѣ что-либо возвышенное, серьезное, могущее изобразить всѣ тонкія изгибы мысли и мельчайшія оттѣнки красокъ художественной картины. Лучшія строки Энеиды, глубокая сатира пекла—какъ-то ускользали изъ юношескаго воображенія за веселостью общаго сюжета. Хотя и теперь помню, какую глубокую грусть будили въ нашихъ сердцахъ извѣстныя строки: «Такъ вичной памяти, бувало, у насъ въ гетманщины колысь»... И вдругъ романъ! Историческій романъ! У меня загорѣлось сердце,—но не было въ карманѣ 3-хъ руб. Я, кажется, двѣ недѣли собиралъ гроши и золотые, слѣдилъ ревниво за лавочкой, чтобъ кто-нибудь не унесъ этой волшебной книги. Наконецъ, передъ отъѣздомъ на каникулы она была мною приобрѣтена, и я просидѣлъ надъ страницами ея ночь на пролетѣ, смакуя каждое слово, каждую фразу. Когда я передалъ Лисенку объ этой книжкѣ, то онъ поспѣшилъ купить и «Записки». Пріѣхавши въ Жовнинь, мы на другой же день, обѣгали садъ, леваду, бурты, побывали на Сулѣ, и принялись немедленно за чтеніе романа. На Лисенка онъ тоже произвелъ сильное впечатлѣніе и содержаніемъ своимъ и главное—языкомъ; мы пережевывали каждую фразу и восхищались, какъ оно выходитъ и ловко, и звучно, и съ какой яркостью рисуется даже тончайшіе облики картины. Я потомъ читалъ этотъ романъ и въ гостинной; даже покойной

матери Лисенка онъ нравился, хотя многого она не понимала, а тетя Марья Васильевна да ея пріемыль Люба, и хозяйка Таня— были въ восторгѣ. Мы съ этимъ романомъ ѣздили потомъ и къ Александру Захарьевичу. Послѣдній отнесся къ нему съ радостнымъ изумленіемъ; вслушивался, вдумывался и наконецъ произнесъ: «Спасыби Кулишу, засвѣтивъ и въ нашѣмъ лѣху каганця!»

Языкъ онъ одобрялъ, хотя относительно нѣкоторыхъ выраженій и словъ дѣлалъ свои замѣчанія; что-же касается изображенія сценъ и типовъ давней жизни, то этимъ онъ безусловно былъ тронутъ.

Конечно, кромѣ «Рады» мы прочли и «Записки». Этнографическій матеріалъ и призывъ къ собранію народныхъ сокровищъ до того воодушевили Николая, что онъ сталъ собирать и записывать народныя пѣсни. Дѣло началось, конечно, съ малорусскихъ романсовъ, которые онъ черпалъ отъ знакомыхъ барынь, барышень, поповенъ, или даже горничныхъ, напр.: «Тамъ, де Ятрынъ круто вьется», «Чы я въ лузи», «Дивчыно, рыбчыно, серденько мое», «Баламуте, выйды азъ хаты» и т. д.; но среди нихъ попадались и чисто народныя—«Ой, місяцю, місяченьку», «Воли ревуть, воды не пьють»... Акомпанименты къ этимъ пѣснямъ подбиралъ Лисенко весьма красивые и виртуозные, хотя, быть можетъ, и грѣшившіе правилами строгой народной гармоніи, которые онъ усвоилъ уже потомъ, послѣ консерваторіи.

Къ этому времени неясныхъ національныхъ стремленій относится одинъ смѣшной эпизодъ. Мы съ Николаемъ впервые влюбились и влюбились въ одну и ту же дѣвицу. У сосѣдей нашихъ Ильяшенковъ гостила маленькая, кокетливая блондиночка, со вздернутымъ носикомъ и искрометными глазками; была она, кажется, католичкой, потому что носила имя Текли, но русскимъ языкомъ прекрасно владѣла, а глазками еще лучше. Она сразу произвела на насъ чарующее впечатлѣніе. Мы стали упрашивать маму, поскорѣе ѣхать въ Гусиное къ Ильяшенкамъ, и снова ее увидѣли, и восторгались обворожительной Теклей... Между тѣмъ сама барышня, вѣроятно отъ скуки или изъ шалости, стала кокетничать съ нами, дурачиться, бѣгать взапуски, пожимать руки и увлекла насъ до самозабвенія. Мы по цѣлымъ ночамъ, подъ звѣзднымъ пологомъ неба (спали на галлерей), толковали о Теклѣ, восторгались ея красотой, уносились мечтами въ міръ Шехерезады, придумывали способы свиданій и передавали другъ другу про всякія завоеванія у Теклюни въ сферѣ любви и... не ревновали нисколько другъ друга. Наконецъ, миѣ пришла въ голову мысль на-

писать ей или гимнъ, или оду, а Николай взялся присочинить музыку. Эта идея намъ понравилась. Я взялъ на себя обязанность, кромѣ поставки стиховъ, еще и пропѣть этотъ мадригалъ. Нужно добавить, что хотя я и бралъ уроки фортепьянной игры у Едлички, но оказывалъ въ ней неважные усилѣхи, а между тѣмъ у меня оказался недурной баритонъ, и я сталъ заниматься больше пѣніемъ, даже рисковалъ исполнять жестокіе романсы въ салонахъ. Потому-то мы и рассчитывали соединеніемъ нашихъ талантовъ сразить окончательно плѣнительную, но неуловимую кокетку. Былъ еще споръ между нами, на какомъ языкѣ начертать нашему кумиру посланіе,—на малорусскомъ или на русскомъ? Но рѣшили писать на послѣднемъ, опасаясь, что панна, будучи полькой, можетъ еще поднять на смѣхъ хлопскій языкъ. Я принялся за версификацію: у насъ въ гимназій учитель словесности Сосновскій, преподавая правила стихосложенія, требовалъ отъ учениковъ и сочиненій въ стихахъ—и мы писали... Среди учениковъ высшихъ классовъ (5, 6 и 7) лучше всѣхъ удавались стихи мнѣ и Вербицкому—тоже пансіонеру: намъ даже заказывало начальство торжественныя привѣтствія и оды при посѣщеніи нашего пансіона сановниками, а товарищи дали намъ прозвище поэтовъ, одобренное надзирателями. Часто, бывало, при передачѣ пансіона смѣяющемуся надзирателю слышится вопросъ:—«а гдѣ-же наши поэты?—на который постоянно почти слѣдовалъ отвѣтъ:—«въ карцерѣ». Такъ вотъ я и принялся за вирши. Каждый куплетъ, конечно, обсуждался нами тщательно; у меня остался въ памяти лишь одинъ:

О, ты, прелестное созданье,
 Небесныхъ радостей фіаль,
 Дай хоть единое лобзанье
 За нашъ сердечный мадригалъ!

Музыка была написана Лисенкомъ восхитительная (такъ мнѣ казалось), полная и нѣжной тоски, и томнаго очарованія, и даже безумной страсти. Это было 2-е музыкальное произведеніе Лисенка, уже болѣе зрѣлое, чѣмъ дѣтская полька. Лисенко долго штудировалъ мое пѣніе; наконецъ онъ остался имъ доволенъ. Ноты были тщательно переписаны, виньетка размалевана. Гувернантка пожертвовала намъ ленту или подвязку для свитка, и мы отправились въ Гусиное.

Намъ посчастливилось: родителей не было дома, а свободная четверка лошадей и фаятонъ стояли на конюшнѣ; Созонть, дядька Ли-

сенка, протезировалъ своему питомцу, и при его вліяніи экипажъ былъ заложень, и паньчи въ парадныхъ гимназическихъ мундирахъ съ красными въ золотѣ воротниками, разсѣлись важно, а Созонтъ въ дивреѣ помѣстился на козлахъ. Счастье летѣло вслѣдъ за нами до самаго Гусинаго. Съ сердечнымъ трепетомъ и робкимъ, но сладкимъ волненіемъ вошли мы въ гостинную и застали тамъ одну Теклю. Она съ неподдѣльной радостью встрѣтила насъ.

— Ахъ, какъ это мило съ вашей стороны, что навѣстили меня обѣдную... Тетя третій день, какъ уѣхала, а я одна... одинешенька... вотъ какъ видите-- скучаю и тоскую... Все о васъ, мои милые, думала, и сердилась, что забыли... а вотъ и вы!

Отъ ея словъ мы взлетѣли, конечно, до седьмого неба. Николай покраснѣлъ и загнулся, какъ красная дѣвица, а я таки осмѣлился ей отвѣтить:—Если вы со скуки вспоминали насъ, то мы вашего дивнаго образа не теряли—и на мгновенье: онъ запечатлѣлся въ нашихъ сердцахъ на вѣки!

— Вотъ какіе комплименты! Bravo!—вскрикнула панночка, но смѣшалась и отъ удовольствія вспыхнула до макушки.— Лисенко тоже смутился и началъ меня дергать за полу.

Черезъ мгновенье панночка, овладѣвъ собой, хохотала уже весело и непринужденно, сверкала глазками и дарила насъ плѣнительными улыбками.

— Вотъ что,—продолжала она тараторить,—если я запечатлѣлась, то я васъ и арестую... Ни, ни, ни! Ни исчезнуть!! Ви пробудете со мной до возвращенія тети... я здѣсь теперь хозяйка! Вотъ, буду угощать васъ чаемъ,ужиномъ... а завтра мы устроимъ какое-нибудь „парті-де-плезиръ“... вѣдь лошади съ вами?

— Съ нами и лошади, и экипажъ,—отвѣтилъ Николай,—но вотъ... только... чтобъ не безпокоилась...

— Вздорь!—возразилъ я—мы вполнѣ располагаемъ временемъ...

Конечно, конечно,—подхватила Текля.—и знаете что? Завтра мы поѣдемъ къ Дибіру... къ тетинимъ плавнямъ... Тамъ и лодка есть... возьмемъ закуски и будемъ кататься въ лодкѣ. Ахъ, какъ будетъ весело!!—Она захопала въ ладоши и убѣждала сдѣлать хозяйскія распоряженія. У Николая вслыхнуть еще страхъ за лошадей, взятыхъ самовольно, но только лишь на мгновенье; обаятельный пріемъ и перспектива радостей завтрашняго дня опьянили насъ окончательно...

Послѣ чая было, наконецъ, торжественно преподнесено богинѣ наше музыкально-литературное произведеніе: оно было принято съ восторгомъ, а послѣ исполненія—даже съ трогательнымъ умиленіемъ. Текляня протянула намъ свои бѣленькія, душистыя ручки и, откинувши голову назадъ, произнесла: — позволяю.

Я принялъ къ ручкѣ, а Лисенко къ другой; должно быть мы цѣловали ручки долѣе положеннаго, потому что панночка ихъ, наконецъ, выдернула. произнеся:—Довольно! „На больше!“—если заслужите!.. Полагаю, что второго такого упоительнаго впечатлѣнія, съ первымъ трепетомъ неземнаго блаженства, съ первымъ дыханіемъ невѣдомой страсти — въ жизни уже не повторилось.

Вечеръ прошелъ въ волшебномъ настроеніи сердечной весны. Текля впрочемъ ушла рано, чтобы приготовить все къ завтрашнему пикнику и пораньше встать...—Такъ завтра же мы съ вами гуляемъ!..— и убѣгая, она послала еще намъ воздушный поцѣлуй.

Мы цѣлую ночь не спали: передавали другъ другу свои восторги и ожидали съ нетерпѣніемъ счастливой зари.

Но только что началъ свѣтлѣть востокъ, какъ неожиданно ворвался въ нашъ кабинетъ заика-форейторъ и, подавая записку, сталъ грозно бурчать: ба-ба-ба-риня при-ка-ка-зали сю ми-ми-нуту ѣхать назадъ... Сее-с-сер-сер-дит-ся страхъ!..

Въ запискѣ было грозное подтвержденіе словъ форейтора. Какъ оншаренные схватились мы и стали натягивать свое платье. Лошади уже стояли у крыльца. Не умываясь и не прощаясь съ панною, мы прыгнули въ фаятонъ и застегнулись наглухо фартухомъ. А Созонтъ еще съ ѣдкой улыбкой замѣтилъ:

— А что, господа женихи, чтобъ не влетѣло всѣмъ намъ по самое покорно благодарю!..

Такъ печально окончился нашъ первый любовный эпизодъ.

Этимъ эпизодомъ на лѣтнихъ каникулахъ и начинается наша свѣтлая юность: Лисенко былъ уже въ 6-мъ классѣ, а я перешелъ въ 7-й. На ту пору надвигались отовсюду заботы и разные тревоги за будущее. Прежде всего финансовое положеніе помѣщиковъ въ послѣдніе годы «кренанства» сильно пошатнулось: крестьяне, въ виду воли, плохо работали: кредитъ частный малъ, а правительственнаго не было; взысканіе долговъ росло, а ликвидація всякихъ хозяйственныхъ предпріятій быстро вела къ разоренію. Какъ разъ передъ эмансипаціей отецъ Лисенка выстроилъ въ Жовнинѣ винокурню, основалъ селитряный заводъ, а въ

Гриньковской части распочалъ строить кошары, амбары, клуню и другія экономическія постройки, да къ нимъ еще и другой домъ,—все это требовало огромныхъ денежныхъ суммъ, а ихъ не было. Родители Лисенка были страшно удручены: грозила потеря всего состоянія, что нѣсколько позже и случилось; но намъ, молодымъ, было море по колыни, а потеря доходовъ и видимое оскудѣніе даже отчасти насъ радовали: если бы этого не было, то Николай оставался бы непременно до окончанія гимназіи у Гюббинета; теперь же такихъ чрезмѣрныхъ суммъ платить не имѣлось возможности, и насъ вынуждены были помѣстить, въ видахъ экономіи, вмѣстѣ, на частной квартирѣ, у г. Рейнгарда. Лисенко бралъ въ это время уроки фортепьянной игры у лучшаго музыканта въ Харьковѣ *Дмитріева*, а потомъ у чеха *Вильчика*, напиравшаго на виртуозность, на изящество исполненія. Несмотря на усиленные занятія въ 7-мъ классѣ, Николай не отрывалъ ни одного часа отъ музыкальныхъ упражненій и двигался въ этой сферѣ впередъ и впередъ. Онъ тогда, кромѣ пальцеломныхъ этюдовъ, изучалъ Шопена, знакомился съ Шуманомъ и работалъ усердно надъ чертовскими туръ-де-форсами Листа. У его учителя Вильчика, по воскресеніямъ, раза 2 въ мѣсяцъ, собирались по утрамъ разные музыкальные артисты и упражнялись въ камерной музыкѣ. Лисенко безсмѣнно вель фортепьянную партію. Иногда эти вечера тянулись съ утра до ночи. Лисенко еще постоянно игралъ у почетнаго пененителя своей гимназіи, князя Голицина; этотъ меценатъ приглашалъ къ себѣ всѣхъ артистовъ и среди нихъ—всегда Лисенка. Малорусскихъ національныхъ стремленій въ Харьковѣ не было ни слуху, ни духу, по крайней мѣрѣ, мы на нихъ не наталкивались, а потому при тамошней малокультурной жизни могли вывѣтриться и навѣяныя дѣтствомъ симпатіи. Въ Дюковскомъ театрѣ изрѣдка шло лишь „Сватанье на Гончаривци“ да «Шельменко деньщикъ» съ знаменитымъ артистомъ Н... въ заглавной роли, каковыя пьесы мы обязательно посѣщали; да въ книжныхъ магазинахъ еще появились 2-й томъ «Записокъ о Южной Руси» и рассказы Марка Вовчка. Мы, конечно, прочли ихъ съ прежнимъ увлеченіемъ... но и только... Такъ прошелъ годъ. Лисенко выдержалъ экзаментъ съ медалью и уже въ синемъ воротникѣ отправился домой на каникулы. Средства его родителей къ тому времени до того истошились, что мы не могли аккуратно платить за квартиру и не имѣли средствъ въ послѣднія двѣ недѣли купить табаку. Такъ что, когда отецъ и мать Лисенка пріѣхали къ намъ дѣ-

томъ на квартиру, то мы прежде всего бросились къ карманамъ родителя за папиросоми. На каникулахъ уже мы замѣтили не только въ нашей семьѣ, но и у окружающихъ помѣщиковъ признаки оскудѣнія; вереницы раутовъ, переѣзды изъ одного села въ другое гурьбой были прекращены. Паденіе «креначтва» уже было Державной волей начертано, ждали указа, а вмѣстѣ съ нимъ ждали и какой-то ужасной катастрофы. Разсказывались небылицы, передавались слухи о таинственныхъ убіиствахъ; все это обвѣивало дворянскія семьи паникой, и болѣе зажиточные изъ нихъ собирались бросать свои помѣстья и переселяться въ города. Наша семья тоже серьезно стала поговаривать о переселеніи, но, къ огорченію нашему, не въ Харьковъ, гдѣ были наши зазнобы, а въ Кіевъ. Последній городъ былъ выбранъ или по удобству путей сообщенія (въ то время начали впервые между Кременчугомъ и Кіевомъ крейсировать пароходы), или же потому, что близкія и родственныя семьи Болюбаншей и Деконоровъ выбрали для воспитанія дѣтей своихъ Кіевъ. Но въ тотъ годъ, 1859, разныя экономическія и финансовыя передрыги не дали возможности перебраться, и мы къ величайшей радости опять возвратились въ Харьковъ. Лисенко поступилъ на естественный факультетъ, кажется въ память дяди своего Борисика, профессора минералогіи. По вѣсѣмъ склонностямъ, ему бы слѣдовало поступить на историко-филологическій факультетъ, но фамильныя традиціи его сбили. Такъ тянулся годъ въ какой-то умственной путаницѣ. Театръ мы посѣщали довольно часто, занимая, конечно, райскія высоты: нумерованныхъ мѣсть тамъ не было, а потому, чтобы захватить лучшія, нужно было забираться туда пораньше,—часовъ съ пяти, а то и съ четырехъ послѣ обѣда. Бывало и выспнемся тамъ, пока публика станетъ сходиться. Такъ вотъ разъ надоѣло слѣдить намъ, а Боброва, какъ актриса, намъ сильно нравилась: ну мы и давай во время игры, а слѣдовательно и тишины въ театрѣ, вызывать ее въ терцію: партеръ началъ смѣяться, а галерчане-товарищи еще поддержали нашу терцу кuartетомъ... вышелъ легкій скандалъ, за который на другой день Лисенко очутился въ карцерѣ: ему, какъ музыканту, приписали инициативу въ этомъ вокальномъ концертѣ. Еще одинъ интересный фактъ припоминается мнѣ изъ нашей жизни въ тотъ годъ. Товарищъ нашъ Косяковъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ перевестись изъ Харьковского университета въ Кіевскій. Мы его проводили съ соболѣзнованіемъ и вспрыснули дорожку, а онъ черезъ мѣсяць вер-

нулся, но вернулся неузнаваемымъ: въ ботфортахъ, въ венгерскѣ, конфедераткѣ и съ носогрѣйкой въ зубахъ. Мы изумились этому непонятному маскараду, а Косяковъ сталъ увѣрять, что въ Кіевскомъ университетѣ формы не носятъ, а всѣ ходятъ въ ботфортахъ да всевозможныхъ костюмахъ, что тамъ студенты не то, что у насъ, а держатъ въ ланинѣ городъ и производятъ такіе дебоши, какихъ и военнымъ не свилось. Очевидно, Косяковъ не повялъ ни національныхъ стремленій, ни борьбы партій, а обратилъ лишь свое вниманіе на вѣпливость. Тѣмъ не менѣе, рассказы его насъ увлекли, и когда лѣтомъ рѣшился въ послѣдній разъ вопросъ, куда ѣхать, мы налегли тоже на Кіевъ...

Старикъ Лисенко ѣздилъ въ Кіевъ лѣтомъ, нанялъ квартиру на Тарасовской ул., а мы съ Николаемъ пріѣхали туда авангардомъ, еще до начала занятій и были поражены—не городомъ,—онъ тогда былъ довольно пустыненъ, особенно окрестности университета, и пожалуй уступалъ по бойкости Харькову.—а студентами, которые стали появляться на улицахъ: большинство ихъ было въ польскихъ костюмахъ, среди которыхъ изрѣдка появлялась или вышукная косоворотка, или сивая, смушковая шапка. Языкъ вездѣ царилъ польскій. Пошли мы въ театръ—ничего не поняли: шла какая-то комедія изъ варшавской жизни; отравились въ бильярдную—и тамъ маркеры и гости говорили по-польски. Наконецъ, завернули въ магазинъ и тамъ къ намъ обратились: «цо панство хце»?.. Наконецъ и въ кухмистерской намъ предложили «яи садзоне» и «легу-миние», о каковыхъ блюдахъ мы не имѣли понятія. Лисенко вздыхать, что заѣхали въ Польшу и что вѣроятно придется слушать и лекціи на польскомъ языкѣ. Все это смущало его сильно и тянуло къ милому Харькову.

Изъ товарищей харьковскихъ у Лисенка ни одного не нашлось въ Кіевѣ, а моихъ изъ полтавской гимназіи оказалось дунѣ десять. Николай перезнакомился съ ними и примкнулъ, конечно, къ полтавскому кружку. Собственно говоря это не былъ идейный кружокъ, а просто болѣе близкіе однокашники, льнувшіе въ чужомъ городѣ ближе другъ къ другу. Они тоже не понимали еще знаменія времени, обуревавшего юные умы въ университетѣ и отражавшагося даже за стѣнами его какой-то смутной тревогой. Насъ поразила сборная зала въ университетѣ, принимавшая съ каждымъ днемъ болѣе бурный характеръ, и въ ней звучала подавляюще польская рѣчь. Студенты-като-

лики собирались массами, о чемъ-то вели безконечные споры, держали иногда рѣчи; иногда слышались изъ небольшихъ кучекъ протесты...

Помню, какой-то въ красной рубашкѣ кацапикъ, небольшого роста, просилъ Христомъ Богомъ товарищей, чтобъ его подняли. Мы подхватили на руки оратора и поставили на окно; съ этой высоты онъ началъ громить и укорять густыя массы поляковъ. Рѣчь его была пылка, искренна и сильна. Содержаніе ея приблизительно состояло въ томъ, что всѣ мы, малороссы и кацаны, сочувствуемъ стремленію польскихъ студентовъ стоять за развитіе своей національности, за свои права, за свободу и автономію родной страны, но сочувствуемъ до тѣхъ поръ, пока эти стремленія не ломаютъ нашей свободы, нашего національнаго развитія и правъ нашей родины.—А вы-де, господа, начинаете свое дѣло съ насилія надъ другими. Кіевъ не вашъ городъ, и университетъ этотъ нашъ... да и наука всегда должна быть свободна отъ національныхъ давленій. Слова оратора произвели на волнующіяся толпы кутушей и венгерокъ неотразимое впечатлѣніе. Все смолкло и притихло. Одинъ внушительный по фигурѣ полякъ даже произнесъ одобительно:

— «Добже, шельма, муви!»

Но другой, рыжій, съ остроконечной бородкой и подкрученными вверхъ усиками крикнулъ:—«Лже, лайдакъ! Тень университетъ есть нашъ, бо зъ Вильна шенесенъ!» Поднялся невыразимый шумъ, среди котораго кто-то въ сирякѣ и сивой шапкѣ оралъ:—«Панове, не будьте необачными! Обмиркуймося! Невже теперь вы не шукатымете зголы? Гей, прыгадайте даремно прольту кровъ!!»

Такія сцены повторялись почти ежедневно и прогрессировали, по мѣрѣ сѣзда студентовъ и большаго наполненія аудиторій. Национальная борьба, разгоравшаяся въ храмѣ науки, будила многіе вопросы, спавшіе до того времени въ нашемъ мозгу, а въ сердцахъ поднимала новую, невѣдомую до того страсть. Мы съ Лисенкомъ просиживали иногда ночи, толкуя о національныхъ задачахъ, о прошломъ нашей родины и о судьбѣ-мачехѣ нашего крестьянина.

Разъ собралось въ квартирѣ студента, еврея Г. изъ полтавцевъ, извѣстнаго потомъ публициста, насъ земляковъ довольно много; пришли туда и новые кіевскіе товарищи, люди сознательно-національнаго направленія, выработаннаго здѣсь на почвѣ борьбы сосѣднихъ народностей; явился и кацапикъ въ красной сорочкѣ, симпатичнѣйшій студентъ Ч., котораго мы не разъ поднимали то на плечи, то на окна

въ сборной залѣ. Замѣчу, кстати, что у насъ въ полтавской гимнази, несмотря на преобладающій въ ней малорусскій языкъ, не было никакихъ сознательныхъ симпатій къ культурѣ его, къ правамъ національнымъ, къ историческому прошлому, равно не было выработано и политическихъ идеаловъ. Кіевъ въ этомъ отношеніи былъ далеко вперед: здѣсь было задумано и Кирилло-Меодіевское братство, здѣсь и Максимовичъ, и Костомаровъ, и Кулишъ будили прежде интересы къ изученію народа, здѣсь наконецъ и политическія броженія поддерживали починъ народнаго чувства, обострявшася въ борьбѣ. Такъ вотъ пришедшій кацапчикъ сталъ развивать компаніи ту мысль, что въ настоящій моментъ подъема духа и симпатій къ меньшему брату все лучшее русское культурное общество пошло въ народъ,—изучить его, научить его, слиться съ нимъ для борьбы съ темными силами, тормозящими наше развитіе и общее благо. Что малороссы, хотя и принимаютъ участіе въ общемъ движеніи и трудятся въ воскресныхъ и другихъ школахъ для просвѣщенія народа, но тѣмъ не менѣе не смотря сознательно въ корень и не борются съ другой силой, стремящейся денационализировать здѣшній край.—Вѣдь у васъ, господа,—поднялъ онъ голосъ,—есть своя славная исторія: народъ вашъ кореннѣе нашего русскаго, да и не мало его, за 15 милліоновъ: языкъ у васъ богатый и звучный... ждетъ только литературнаго развитія... По политическимъ и социальнымъ идеаламъ мы друзья... а по яру—братья родные... Такъ, какъ же намъ, товарищи, не соединиться вмѣстѣ, коли на нашихъ глазахъ колонизируютъ и древне-русскій городъ, и науку, и народъ! Заявите-же и вы, господа, что считаете весь этотъ юго-западный край—Малороссіей и что стоите за свой народъ, за свою національность, за свою старину и за свою рѣчь... да за политическую, и юридическую и нравственную свободу народа! Поляки надѣли кунтуши и проповѣдуютъ свой катехизисъ: надѣнемъ-же и мы свои косоворотки, поддевки, сиряки, сорочки, жупаны, да свиты... и станемъ проповѣдывать свое «credo»! А наше «credo»—свобода развитія всѣхъ національностей, безъ насилій и притѣсненій другихъ,—демократизмъ, уравниеніе правъ ассоціаціи слабыхъ для борьбы съ сильными, развитіе гуманитарныхъ началъ, автономіи и свободы!

Рѣчь кацапа была покрыта дружными рукоплесканіями, пожатіемъ рукъ и объятіемъ. Предложеніе пришлось по душѣ и вызвало оживленную по этому поводу бесѣду. Бывшіе въ гостяхъ кіевляне, сознательные украинцы, развили еще больше намъ, неопитамъ, мысль

к цапа, освоивъ многими фактами состояніе нашей народности и значеніе ея въ будущемъ.

Лисенко просто преобразился и началъ доказывать, что намъ всѣмъ не только съ народомъ, но и между собой нужно говорить по-малорусски, чтобы сдѣлать этотъ языкъ культурнымъ и своимъ... Много было поднято вопросовъ, подано предложеній и намѣчено проектовъ, для совмѣстныхъ работъ.

Придя домой, Лисенко сталъ совѣтоваться со мной, какой-бы заказать намъ костюмъ, и мы, послѣ долгихъ серьезныхъ дебатовъ, порѣшили, что на первый разъ нужно обзавестись хотя двумя: — для будней — чемарка изъ темнокоричневаго драпа, отдѣланная кожей, и шаровары сѣрые, а для праздниковъ — суконные жупаны, бархатные темносиніе шаровары и шелковые шали для поясовъ... Пока мы только обдумывали покрой верхнихъ «сиряковъ» и выбирали барашекъ для шапокъ, насъ позвали на генеральную сходку въ университетъ, въ студенческой библиотекѣ, а разомъ и аудиторіи. Мы отправились съ Лисенкомъ туда вечеромъ и застали, кромѣ нашихъ знакомыхъ, массу студентовъ. Собраніе было обставлено таинственно: ночь, большая зала, ряды скамеекъ, столикъ, тусклое освѣщеніе... торжественная тишина, масса головъ и вопросы входящихъ: народъ и лозугъ? — все это импониовало ужасно: мы почувствовали себя словно въ средневѣковой ратушѣ на собраніи заговорщиковъ.

Когда выбраны были «голова» и „писарь“, тогда предложенъ былъ собранію для обсужденія рядъ вопросовъ, касающихся самопознанія, убѣжденій, стремленій истиннаго малоросса, а также программа дѣятельности и отношенія его къ другимъ національностямъ. Вопросы обсуждались серьезно, въ строгомъ порядкѣ, чисто по парламентски; все засѣданіе велось на родномъ языкѣ, и мы съ Лисенкомъ услышали впервые серьезную малорусскую рѣчь, и замѣтили, что кіевляне, воляницы и даже черниговцы владѣли ею далеко лучше насъ, полтавцевъ... На этой сходкѣ рѣшено было единогласно, что малорусскій народъ составляетъ особую національность, богатую всѣми данными для культурнаго развитія и участія полнымъ голосомъ въ славянскомъ концертѣ, что честный, сознательный малороссъ долженъ отдать всѣ свои душевные силы для поднятія въ народѣ самосознанія и развитія, что ко всѣмъ братьямъ славянамъ онъ долженъ относиться дружески и помогать имъ въ борьбѣ съ угнетателями, что въ политическихъ и социальныхъ стремленіяхъ онъ исповѣдуетъ тѣ же идеалы, что и це-

редовыя его братья великороссы, и что съ лучшими партіями этихъ передовыхъ силъ онъ солидаренъ. На этой сходкѣ былъ и кацапикъ, и депутатъ отъ польскаго «кода».

Лисенко вышелъ изъ этого собранія словно пьяный, и съ того момента сталъ самымъ рьянымъ украинофиломъ, какъ окрестили насъ потомъ. Въ скоромъ времени и малорусскіе, и великорусскіе студенты одлеклись въ свои національные костюмы; массы студентовъ и въ университетѣ, и на Крещатикѣ представляли живописную картину.

Но помимо школьныхъ дѣятелей, образовалось тогда еще много кружковъ, преслѣдовавшихъ тѣ или другія просвѣтительныя цѣли: одни занимались этнографіей—записываніемъ преданій, сказокъ, нравоучителъ, загадокъ, суевѣрій, обрядовъ и т. и.; другіе стали собирать матеріалы для будущаго малорусскаго словаря; третьи принялись за составленіе популярныхъ книгъ для народа; четвертые стали для этого изучать малорусскій языкъ; иные пошли въ народъ...

Широкая волна кипучей жизни и снѣжной работы охватывала насъ съ каждымъ днемъ все больше и больше. Лисенко, съ присущей его характеру настойчивостью, принялся изучать языкъ, для чего онъ пріобрѣталъ всѣ изданныя и выходившія тогда на малорусскомъ языкѣ книги. Мы выписали «Основу»; съ увлеченіемъ штудировали статью Костомарова „Двѣ русскія народности“ и зачитывались произведеніями Шевченка, Кулиша, Марка Вовчка и другихъ. Теперь мы уже относились къ нимъ гораздо серьезнѣе и замѣчали многое, ускользавшее прежде отъ нашего вниманія... Я сталъ пробовать переводить на малорусскій языкъ басни Крылова и музу Пушкина (кажется первое—«Эхо»). Мы съ Лисенкомъ примкнули къ группѣ, трудившейся надъ собираніемъ матеріаловъ для малорусскаго синтаксиса.

Это было время передъ объявленіемъ воли народу, начертанной Государемъ, но еще не обнародованной. Подъемъ духа и у народа, и у культурныхъ классовъ росъ почти по часамъ, пресса ликовала, загоралась заря свободы. Надвигалась какая то подлая чаръ и широкаго счастья эра, туманившая головы несбыточными надеждами и заставлявшая отраднo биться наши сердца. Среди общаго свѣтлаго праздника, темныя силы притихли и должны были попятаться въ норы.

Лисенко до того былъ увлеченъ роскошной весной, что забылъ даже свою музыку и въ то время мало работалъ надъ техникой игры.

а если и работать въ своей сферѣ, то главное надъ записываніемъ народнаго музыкальнаго богатства.

Но если Мыкола занимался тогда меньше этюдами и сонатами, то зато больше создавалъ или пробовалъ создавать въ малорусскомъ вкусѣ разные танцы, и народные и общеевропейскіе. Не помню, по воскресеніямъ, или по субботамъ у насъ устраивались «вечерницы»: были выбраны почтенныя матроны, которыя завѣдывали хозяйственной частью и наблюдали за строго-цензурной порядочностью ихъ: Конечно, всѣ посѣщавшіе эти «вечерницы» обязаны были, безъ исключенія, быть въ народныхъ костюмахъ и говорить по-малорусски; за каждое нарушеніе послѣдняго условія взымался штрафъ, постулавшій въ издательскій фондъ. Мы по-дѣтски ловили другъ друга и взымали штрафы при общемъ смѣхѣ. Уточенія на этихъ вечерахъ велись въ складчину, и всѣ кушанья и нашитки были національныя. Въ танцахъ допускались изъ иностранныхъ лишь полонезъ да кадрили, остальные же танцы были народныя: козачекъ, горлица, вальсъ-козакъ, и метельца. Вотъ для этихъ то всевозможныхъ танцевъ и создавалъ Лисенко свою прелестную въ народномъ вкусѣ музыку... Онъ вообще былъ душой общества и вносилъ въ него искренность увлеченія—и своимъ заразительнымъ весельемъ, и своей чудной игрой, и даже своими усердными танцами. Кромѣ того, гдѣ Лисенко ни появлялся, сейчасъ же составлялся хоръ, которымъ онъ и дирижировалъ.

И коснулся кіевского движенія 60-хъ годовъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно имѣло неотразимое вліяніе на поворотъ міровоззрѣній и симпатій Лисенка; а это время, богатое событіями, сильными характеристиками, руководителями, исполненными высокаго ума и великаго сердца,—еще ждетъ занесенія на страницы исторіи.

Замѣчательно то, что мои врожденныя симпатіи къ своему родному языку встрѣтили въ подъемѣ національнаго самосознанія 60-хъ годовъ лишь свое оправданіе и не поразили неожиданнымъ открытіемъ; Лисенко же, хранившій лишь проблески народныхъ симпатій, навѣянныхъ ему съ дѣтства, теперь, словно слѣпецъ послѣ снятія катаракта, прозрѣлъ, и это чудо подѣйствовало на него потрясающе: все, что хранилось въ тайникахъ его сердца, вспыхнуло яркимъ пламенемъ, въ которомъ сгорѣли его барскія воспоминанія, аристократическія тенденціи, свѣтскія привязанности, а всѣ стремленія слились въ одну широкую любовь къ своему родному народу и къ ду-

ховному проявленію его личности... однимъ словомъ, Лисенко воспріял новыя идеи не спокойно, а съ страстностью.

Такими то завзятыми украинцами мы возвратились на каникулы въ Жовнинь.

Эти каникулы мы начали тѣмъ, что непосредственно сами отправились на «улицу» и старались перезнакомиться со всѣмъ селомъ, имѣя цѣлю и пропаганду своихъ идей, и сближеніе, слияніе съ народомъ, и собираніе этнографическаго матеріала. Лисенко съ фисгармоніей проникалъ и на «досвитки», и на «вечерницы», оживлялъ ихъ своей игрой и выуживалъ всюду народныя мелодіи, которыя и заносилъ въ свой музыкальный портфель: онѣ потомъ въ его обработкѣ составили драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу духовнаго богатства нашего народа. Молодежь сельская насъ не чуждалась, а потребовала, по обычаю, ведро горилки и разрѣшила бывать на всѣхъ своихъ сборищахъ. Болѣе пожилые хозяева смотрѣли, впрочемъ, на насъ съ нѣкоторой подозрительностью. Наше хожденіе въ народъ, простой костюмъ и простая рѣчь объяснялись вообще тѣмъ, что царь, «за те, що знуцались перше паны надъ людмы, перелысавъ при „воли“ и ихъ у „простоту“; но было, и другое толкованіе: что «паны переодягались у просте и венштаются, щобъ ниде слухать, запысаты и донесты на насъ царю»... Въ иныхъ мѣстахъ этнографическихъ собирателей хватали, какъ «шныговъ» и заключали въ «холодну»...

Эти молодыя увлеченія народомъ вывѣтрили и у меня, и у Мыколы всякія воспоминанія о барышняхъ и о Харьковѣ. Ко всѣмъ сосѣднимъ помѣщичьимъ семьямъ мы относились уже съ недоброжелательностью и высокоумѣремъ, иначе нигдѣ не говорили какъ по-малорусски. Бывали лишь изрѣдка у Алекс. Захар., уже впрочемъ больного. Женитьба его и семья казались намъ идеальными, къ какимъ честный украинецъ долженъ стремиться. Лисенко, увлекавшійся всякой идеей народничества до фанатизма, чуть было не женился на одной дивчинѣ изъ своего мѣстечка; но благоразуміе ея взяло верхъ.

Поздно осенью мы возвратились въ Кіевъ, бурлившій уже подготавливающимся польскимъ повстаньемъ. Мы завертѣлись въ водоворотъ сходовъ, въ бурѣ политическихъ дебатовъ, въ разныхъ представителяхъ, въ отстаиваніи правъ своей народности...

Въ 1861 г. наше семейство ранней весной двинулось обратно въ деревню: опасность ожидавшихся крестьянскихъ бунтовъ прошла, средствъ

на житъе въ городѣ не было, а введеніе уставныхъ грамотъ и совершеніе актовъ на выкупъ надѣловъ требовало личнаго присутствія владѣльцевъ. Тенерь въ этихъ выкупныхъ свидѣтельствахъ помѣщики видѣли единственное средство ликвидировать хоть кое-какъ свою задолженность.

Мнѣ тоже нужно было, по этимъ самымъ дѣламъ, и еще по наслѣдству, назначенному къ дѣлежу въ ноябрѣ, остаться въ Жовнинѣ до зимы. Мыкола уже самъ отправился въ Кіевъ; а я въ ноябрѣ простудился, получилъ ревматизмъ и пролежалъ всю зиму и часть весны то у новыхъ родныхъ Старицкихъ, съ которыми сошелся при дѣлежѣ наслѣдства, то въ Жовнинѣ въ своей семьѣ. Всякія хозяйственныя заботы и по своему имѣнію, и по дѣламъ Лисенковъ удержали меня въ селѣ и на другую зиму, въ которую я повѣнчался съ сестрой Лисенка, Софіей Витальевной, и такимъ образомъ совсѣмъ слился съ ихъ семьей.

И цѣлый годъ не былъ въ Кіевѣ, а тамъ свершилось въ это время много событій, измѣнившихъ настроеніе общества. Была между прочимъ учреждена комиссія для провѣрки уставныхъ грамотъ и надѣловъ въ юго-западномъ краѣ, и для ея задачъ—мировые съѣзды. Мой тестъ получилъ мѣсто предсѣдателя такового въ сквирскомъ уѣздѣ, кіевск. губ. Вскорѣ старики отправились въ Сквиру, а Мыкола въ Кіевъ, оставивъ насъ молодыхъ на хозяйствѣ. Мы дали другъ другу слово перенисываться, и я написалъ недѣли черезъ двѣ шуточное письмо по-малорусски Мыколѣ, въ которомъ просилъ его пріѣхать къ намъ на праздники. На это письмо я скорѣ получилъ отъ Мыколы отвѣтъ, полный укора: онъ писалъ, что огорченъ моимъ отношеніемъ къ дорогому нашему языку: «и ты, що мусивъ бы найбильшъ свое слово поважати и любити, вживаешъ ёго, якъ забавку на скалозубство, на жаргъ, а не берешъ за орудокъ широкой культуры»—и даже просилъ, чтобы я занялся переводами, кромѣ басень, и чего-нибудь серьезнаго изъ сферы поэзіи. Вообще по тону письма было видно, что наши роли тенерь перемѣнились: прежде я его подвигивалъ въ изученіи своего языка, въ демократизмѣ и въ сердечной привязанности къ своей родинѣ, а тенерь онъ требовалъ уже отъ меня дѣла, фактическаго участія въ разработкѣ языка, въ приспособленіи его къ высшимъ формамъ поэзіи и въ обогащеніи его лексикой, черпаемой изъ народныхъ сокровищницъ... Конечно, слѣдующія письма я сталъ ему писать педантично-серьезнаго содержанія.

Рождественскіе праздники Лисенко провелъ у насъ, и мы съ нимъ затѣяли сразу не малую штуку—написать украинскую оперу. Сейчасъ же отъ слова къ дѣлу: я, не имѣвшій понятій о разработкѣ оперныхъ сюжетовъ, взялся написать либретто, на почвѣ Стороженковской комедіи «Гаркуша», а Мыкола, не слыхавшій и такой, какъ я, оперы, а знавшій лишь по переложеніямъ для фортепьяна нѣсколько итальянскихъ оперъ,—взялся написать музыку. Тѣмъ не менѣе, ничто-же сумняшеся, мы принялись за дѣло: говорю мы, потому что, кромѣ либретто, и подиѣвалъ и мотивы, конечно изъ итальянскаго запаса. Работа кипѣла, и въ теченіе праздниковъ была написана почти треть перваго дѣйствія. Конечно, въ хорахъ и въ нѣкоторыхъ аріяхъ звучала заимствованная итальянщина, но были номера, скомпанованные Лисенкомъ вполне въ духѣ народномъ, и скомпанованные красиво. У меня сохранился одинъ брѣвѣнь либретто изъ этой оперы, на которомъ имѣется къ словамъ «Ой, Днипрѣ широкій, чого каламутенть?»—записанная рукою Лисенка музыка для аріи баритона Шпарталь помѣченъ: «Лебехівка 1864 року». Жаль, что не сохранилось клавира. Въ то время я искренно восторгался музыкой этой оперы; жена моя пѣла сотнычуху, я—Гаркушу, а Мыкола—всѣхъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ и хоръ. Съ такими силами мы стали демонстрировать эту оперу нашимъ родичамъ и сосѣдямъ, производя вездѣ немовѣрную сенсацію: намъ стали даже устранивать рауты съ спеціальной просьбой сгнѣти оперу.

Такъ какъ Николаевка, въ которой жило родственное намъ семейство Деконоровъ, было отъ Лебеховки въ шести верстахъ, то прежде всего и чаще всего мы тамъ и бывали. У Деконоровъ старшая дочь Оля, еще «пидитокъ», была чрезвычайно красива, жива и симпатична: она обладала миленькимъ голоскомъ, подиѣвала и особенно восторгалась оперой.

Уѣхавши въ Кіевъ, Мыкола попалъ въ волну новыхъ событій. Поднялись доносы на украинофильство. Результатомъ этой травли было гоненье, какъ на языкъ, такъ и на любителей малорусскаго слова и музыки. Цензура не стала пропускать ни одной книжки на малорусскомъ языкѣ, а исполненіе на немъ представленій или пѣсенъ было запрещено.

Когда я, на будущую зиму, устроивъ свои хозяйственныя дѣла, снова возвратился въ Кіевъ кончать университетъ, то засталъ уже почти безнадежное уныніе. Лисенко держалъ тогда окончательный экзаменъ и поселился со мной. Конечно, мы съ Лисенкомъ стали при-

думывать хоть какое-нибудь дѣло, чтобы привлечь къ нему болѣе или менѣе сочувствующихъ людей, сгруппировать хоть малый симпатичный кружокъ. У Лисенка были нѣкоторые знакомые; я присталъ къ нимъ, и мы общими усилиями устроили, съ благотворительною цѣлью, въ городскомъ театрѣ концертъ и живыя картины. Въ концертномъ отдѣленіи намъ вычеркнули весь текстъ малорусскихъ пѣсень, а между тѣмъ на нихъ-то мы главнымъ образомъ и обосновывали сборъ. Что было дѣлать? Живыя картины, хотя бы и на Гоголевскія сцены, публички не привлекутъ, равно какъ и игра Лисенка, еще неизвѣстнаго, какъ артиста. Наконецъ придуманъ былъ одинъ исходъ: перевести на французскій языкъ текстъ народныхъ пѣсень и подать такую программу. Это удалось,—но за то въ концертѣ вышелъ скандалъ: когда пѣвецъ вышелъ на эстраду и запѣлъ извѣстную пѣсенку «доңызкь» такъ:

La pluie, la pluie,
 Qui tombe doucement...
 Je pensais, je pensais,—
 C'est un Zaporogue, mamam!

то поднялся сначала немовѣрный хохоть, а потомъ бурный протестъ и требованіе народнаго текста: само собою разумѣется, что намъ сію-же минуту запретили исполненіе французскихъ пѣсень по программѣ, а заставили ихъ замѣнить другими; потомъ еще были и бесѣды...

Добавлю, что во 2-мъ концертѣ, состоявшемся черезъ полгода, уже допущены были 2—3 пѣсенки народныхъ. Очевидно, что запрещеніе шло не отъ высшихъ правительственныхъ сферъ, а отъ мѣстной администраціи, которая вскорѣ стала смотрѣть снисходительнѣе на безвредную симпатію общества къ родному слову.

Концерты насъ познакомили съ просвѣщенной, симпатичнѣйшей семьей Линдфорсовъ, съ которыми мы стали вскорѣ друзьями; а Микола встрѣтилъ въ женѣ молодого М. нашу прежнюю знакомую, Олю Гревсъ, съ которой, какъ съ «пидлиткомъ», играли мы еще въ Гринькахъ.

Вскорѣ мы познакомились съ С-вымъ, преподавателемъ русскаго языка и словесности, человѣкомъ гуманнаго направленія. Онъ примкнулъ къ нашему кружку и предложилъ общую работу: собирать и выбирать матеріалы для составленія грамматики и синтаксиса малорусскаго языка. Этой работой и прежде пробовали мы заниматься, но бесполезно,

такъ какъ не было у насъ во главѣ опытнаго спеціалиста, теперь же въ лицѣ талантливаго С-ва, у насъ явилась полная надежда осуществленія нашихъ желаній, и мы принялись дружно за предложенную работу, а особенно страстно отвесся къ ней Мыкола. Работа и регулярныя собранія то у одного, то у другого сблизили насъ всѣхъ и сдружили; а и было насъ въ грамматической компаніи человекъ 5, 6—не больше, но собранія отличались особенной сердечностью и время, на нихъ шло въ веселой работѣ. Со временемъ къ нашей кучкѣ стали притекать новыя силы, а съ переводомъ въ кievскія гимназіи нѣкоторыхъ учителей, бывшихъ нашихъ товарищей, и кругъ занятій расширился. Лисенко стремился участвовать чуть не во всѣхъ рабочихъ кружкахъ, а вѣдь у него было и свое личное дѣло—упорядоченіе пѣсеннаго матеріала, который онъ собиралъ неустанно

Весною Лисенко подалъ диссертацию и, получивъ степень кандидата естественныхъ наукъ, поступилъ кандидатомъ къ мировому посреднику въ Таращанскій мировой съѣздъ. Цѣлью его жизни была, конечно, не служебная карьера, а музыка, къ которой онъ теперь еще больше стремился. Послѣдніе четыре года, закружившіе Лисенка въ вихрѣ новыхъ увлеченій, отняли у него много времени; педантически заниматься техникой было некогда, а получать серьезное развитіе въ области теоріи было—негдѣ. Онъ за это время познакомился съ русскими операми—Глинки, Даргомыжскаго, Стрѣва, занимался самостоятельнымъ изученіемъ Шумана и Вагнера, поражающаго его звуковыми массами. Но въ этихъ бросаніяхъ изъ стороны въ сторону безъ системы, безъ свѣточа—мало было толку. Консерваторія стала его завѣтной мечтой, а для осуществленія этой мечты нужны были деньги,—вотъ онъ и задумалъ сконить ихъ на службѣ.

Весну и лѣто проработалъ онъ надъ уставными грамотами, отдавая всѣ антракты собранію музыкальнаго народнаго матеріала, а къ осени въ его жизни совершилась крупная перемѣна. Завѣтная мечта Мыколы окончить консерваторію заставила его выйти въ отставку и отправиться за границу къ началу лекцій въ Лейпцигской консерваторіи; послѣдняя тогда славилась, какъ лучшая въ Европѣ. Въ началѣ сентября мы и выпроводили Лисенка въ Лейпцигъ.

Въ это то время и были изданы Лисенкомъ за границей 1-й томъ народныхъ пѣсенъ и 1-й томъ музыки до Кюбзара. Музыка была

исполнѣ художественна и свидѣтельствовала о несомнѣнномъ талантѣ у нашего украинскаго композитора.

Въ Лейпцигской консерваторіи Лисенко былъ два года съ небольшимъ, и съ свойственной ему страстностью отдался изученію своего искусства. Извѣстный профессоръ фортепянной игры Рейнеке, послушавъ въ первый разъ Лисенка, заявилъ съ одушевленіемъ: «O, das ist wirklicher Talent!» и съ особеннымъ вниманіемъ относился все время къ своему ученику. У Рейнеке Лисенко проходитъ полный курсъ фортепянной игры и проходитъ съ блестящимъ успѣхомъ: техника доводится до совершенства, вкусъ и изобразительность въ исполненіи, подъ руководствомъ этого профессора, приобрѣтаютъ изящество и силу. Лисенко съ особенной тщательностью изучаетъ у Рейнеке, при совѣтахъ и знаменитаго Мошелеса,— друга Бетховена,— весь классическій репертуаръ:—Баха, Моцарта, Мендельсона, Бетховена, Шумана, Шуберта и Шопена, единственнаго Славянина, попавшаго въ среду гениальныхъ нѣмцевъ. Не только въ консерваторскихъ концертахъ, но и въ другихъ Лисенко участвуетъ съ выдающимся приѣмомъ. Въ концѣ перваго года онъ былъ вызванъ въ Прагу, какъ представитель украинской музыки, вмѣстѣ со Славянскимъ, представителемъ—великорусской, участвовать въ грандіозномъ славянскомъ концертѣ, состоявшемся въ «Конвисткемъ салю». Извѣстный чешскій патриотъ и музыкантъ Рейеръ, прослушавши Лисенка концертное переложеніе «Гей, не дывайте!»—вскочилъ со стула и воскликнулъ: «То духи отъ степу!»

Теорію музыки (гармонію, контрапунктъ, фугу) Лисенко проходилъ у Эрнеста-Фридриха Рихтера и считался лучшимъ его ученикомъ; на практическія задачи Микола бралъ всегда украинскіе мотивы, обработкой которыхъ восторгалъ своего профессора. Кромѣ того Лисенко проходилъ еще игру на органѣ у доктора Паперница.

На окончательномъ экзаменѣ, давшемъ Лисенку право на титулъ фортепяннаго виртуоза, онъ исполнялъ концертъ Бетховена G-dur съ собственной каденціей, восхитившей Мошелеса. Вотъ какой отзывъ объ этомъ экзаменѣ находимъ мы на страницахъ «Leipziger Tageblatt» отъ 10-го апрѣля 1869 г. «Исполненіе г. Николая Лисенка изъ Кіева—было истиннѣ выдающимся. Первую часть труднѣйшаго фортепяннаго концерта Бетховена (G-dur) онъ провелъ съ воодушевленіемъ и съ артистической передачей (künstlerischer Vollen-

ding). Блестящая каденція принадлежитъ, какъ мы слышали, самому исполнителю. Она оказалась, несмотря на свою длину вполне соответствующей духу произведенія.

По окончаніи курса консерваторіи, Лисенко съ дипломомъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ и устроился вновь на постоянное житье. Онъ получилъ мѣсто преподавателя въ музыкальной школѣ Пфенига, а потомъ Кологривова и, кромѣ того, массу частныхъ уроковъ. Онъ сразу вошелъ въ моду, такъ что самые аристократическіе дома старались захватить его въ свои салоны. Между тѣмъ въ Кіевѣ опять стало веселѣе и шумнѣе; многіе возвратились изъ дальнихъ странствій, многіе изъ отроковъ превратились въ юношей и стали симпатизировать идеямъ предшественниковъ, да и въ воздухѣ вообще стало легче, — губительныя мятели поулеглись; цензура стала мало-по-малу пропускать наши книжки: представленія на малорусскомъ языкѣ были разрѣшены.

Мы съ Лисенкомъ возобновили снова знакомство съ семействомъ Линдфорсовъ; въ немъ всегда мы встрѣчали радушіе, сердечность, отзывчивость на все доброе и хорошее, и безграничную доброту. Отца ихъ уже не было въ живыхъ, а дочери—Марья Θεодоровна и Софія Θεодоровна—держали тогда дѣтскую школу. У Линдфорсовъ былъ кружокъ знакомыхъ, людей, съ передовымъ и гуманнымъ направленіемъ съ которыми сошлись и мы дружно. Тамъ-то и зародилась въ 1872 г. мысль сформировать труппу любителей и ставить, по мѣрѣ возможности, спектакли, какъ русскіе, такъ и малорусскіе. Для перваго спектакля выбрали: «Кружевницу» и «Черноморскій побѣтъ»; послѣднюю пьесу компанія поросила передѣлать на оперетку: я написалъ либретто, а Лисенко музыку. Кромѣ народныхъ пѣсень и хоровъ, Мыкола уже создаетъ въ ней свои оригинальные аріи, дуэты, терцеты, ансамбли и эффектный финаль. Оперетта была исполнена, какъ для любителей, весьма хорошо и произвела громадное впечатлѣніе. Спектакль потомъ повторили съ возрастающимъ успѣхомъ. Этотъ успѣхъ ободрилъ и творцовъ, и исполнителей, заинтересовалъ общество и водушевилъ милѣйшихъ хозяевъ продолжать это дѣло дальше. На третій спектакль желалось всѣмъ поставить что-нибудь новое, и мы съ Мыколою рѣшили написать оперу на сюжетъ Гоголя «Ночь подъ Рождество», назвавъ ее «Риздвяною Ночью».

Привнаравливаясь къ средствамъ сцены, оперетка была первоначально написана лишь въ 2-хъ актахъ, разыгрывавшихся въ хатахъ—

Чуба и Солохи. Либретто было составлено съ разговорной прозой и съ нумерами для пѣнія; послѣдніе были широко написаны, какъ напр. рассказъ Вакулы о путешествіи на чортѣ и о приѣмѣ его во дворецъ. Музыка Лисенка на этотъ разъ превзошла даже наши ожиданія: она обнаружила въ композиторѣ несомнѣнный талантъ къ музыкальной характеристикѣ и національному мелодизму. Въ этой опереттѣ появились серьезные музыкальные номера и ансамбли, а рассказъ Вакулы съ широкимъ финаломъ носилъ уже настоящее оперное развитіе. Исполнена была эта опера сравнительно прекрасно и вызвала у зрителей невыразимый восторгъ: залъ не могъ вмѣстить зрителей; отъ массы публики даже гасли лампы. Второе представленіе привлекло еще болѣе зрителей. Общее желаніе было развить сюжетъ и музыку до настоящей оперной пьесы, какую и дать въ городскомъ театрѣ.

И немедленно развили тексты для музыкальной комедіи, распланировали ее на четыре дѣйствія и 5 картинъ. Въ эту оперу вошелъ уже совершенно новый актъ у Пацюка, изображеннаго мною, хотя и «характерникомъ», но въ то же время и патриотомъ, представителемъ обломковъ Запорожской Сѣчи. Все лѣто Лисенко, посѣтивъ славянскія земли для ознакомленія съ ихъ музыкой, проработалъ надъ этой музыкальной комедіей. Актъ Пацюка (II) былъ имъ написанъ въ строго оперномъ стилѣ, безъ разговоровъ; а въ остальныхъ картинахъ, хотя имъ и были допущены разговорныя сцены, но музыкальные номера и ансамбли подавляли рѣшительно прозу. Для исполненія этой оперы составилъ огромный любительскій кружокъ, подъ покровительствомъ тѣхъ же сестеръ Линдфорсъ. Руководить разучиваніемъ музыкальной части взялся, конечно, Лисенко, а режиссировать прозой и спектаклемъ поручено было мнѣ.

И осень и зима 1873—74 пошли на разучиваніе и репетиціи этой комедіи. Покойные Марковскій, Чубинскій и Драгомановъ принимали въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе. Лисенко просто надрывался въ трудѣ. При огромномъ числѣ уроковъ, онъ долженъ былъ оркестровать оперу, разучивать хоры (студентовъ и любителейницъ, совершенно неопытныхъ въ чтеніи нотъ), заниматься отдѣльно съ солистами и присутствовать еще на моихъ репетиціяхъ, однимъ словомъ—исполнять въ одно и то же время должности и учителя музыки и пѣнія, и хормейстера, и капельмейстера, и оркестратора, наконецъ даже собирателя персонажей, потому что ему приходилось разыскивать по городу голоса. Наконецъ, персонажъ былъ установленъ (О. Лисенко—

Оксана, Н. Булахъ—Одарка, Липская—Солоха, Богдановъ—голова, Новицкій—Чубъ, Русовъ—Вакула, Матвѣевъ—Дякъ и Габель—Щацкѣ; послѣдній получилъ высшее образованіе и состоитъ нынѣ профессоромъ С.-Петербургской консерваторіи),—и опера была разучена.

Но нужно было еще заполучить театр. Содержателемъ городского театра былъ тогда Бергеръ и потребовалъ чудовищной платы: по 750 р. за утро, и то буднее. Онъ отдавалъ намъ хотя и на масляной, но понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ; кромѣ того, всѣ декорации относилъ на нашъ счетъ. Л. Н. Марковскій, будучи главнымъ распорядителемъ, не рѣшался на такой рискъ; но сестры Линдфорсъ рѣшили, въ случаѣ чего, принять убытки на себя,—и договоръ былъ заключенъ. Опера прошла блестяще, или лучше сказать—принята была публикой съ неимовѣрнымъ энтузіазмомъ: всѣ четыре представленія подъ рядъ были набиты биткомъ, съ приставными стульями, и вырученной суммой не только были покрыты всѣ расходы—по театру, декорациямъ, перенискѣ нотъ и пр., но даже излишекъ въ 375 р. былъ отправленъ въ Самару голодающимъ.

Послѣ «Ризвняной ночи» всѣ, даже враги, признали у Лисенка крупный музыкальный талантъ, способный къ широкой музыкальной изобразительности. Весь Кіевъ твердилъ его имя. Самъ Лисенко получилъ большую вѣру въ свое призваніе и задумалъ писать рядъ оперъ, преимущественно на сюжеты Гоголя. Мы съ нимъ обсуждали тогда двѣ темы—«Страшную мечь» и «Тараса Бульбу» на которыя я написалъ програмныя схемы. Лисенко было ухватился за «Страшную мечь»; его музыкальное воображеніе заинтересовано было многими эффектными, полными таинственности и драматизма картинами, и онъ импровизируя на роялѣ, уже намѣчалъ музыкальныя темы для этихъ картинъ, но тѣмъ не менѣе писать этой оперы ему не пришлось.

Самъ Лисенко сознавалъ, что пройденный имъ курсъ въ Лейпцигской консерваторіи былъ не вполне законченъ. Хотя онъ тамъ слушалъ теорію гармонизации, но кафедры оркестровки тамъ не было. И Лисенко заплатилъ Рейнеке за нѣсколько частныхъ уроковъ, а потому въ оркестровкѣ онъ чувствовалъ себя не вполне сильнымъ: и практики въ ней не имѣлъ, и отчасти былъ подчиненъ нѣмецкому вкусу. Чтобы заполнить этотъ пробѣлъ, онъ сталъ мечтать о Петербургѣ, гдѣ въ то время царили талантливые представители новаго направленія изобразительной музыки, какъ Кюп, Мусорскій, Римскій-Корса-

ковъ; Лисенку особливо хотѣлось поучиться у послѣдняго, какъ у геніального оркестратора. Жена Лисенка, обладавшая небольшимъ, но чрезвычайно приятнымъ голосомъ, мечтала тоже о консерваторіи и о сценѣ. Ихъ желанія пошли другъ другу навстрѣчу, и Лисенко рискнулъ бросить упроченное въ денежномъ отношеніи свое положеніе въ Кіевѣ и отправиться на рискъ въ Петербургъ, имѣя впереди одну лишь завѣтную цѣль—пріобрѣсти полный запасъ знаній для служенія звукамъ своей родины. Зима 1875 г. прошла въ усиленной работѣ для составленія денежнаго запаса; онъ продалъ 1-й сборникъ пѣсенъ Корейву, да еще дали помощь ему и отецъ и тесть. Но ко времени отъѣзда его въ Петербургъ разнеслась ужасная вѣсть, поразившая всѣхъ, какъ громомъ: грозило вновь воспрещеніе спектаклей, концертовъ и декламацій на малорусскомъ языкѣ, равно и печатанье на ономъ книгъ. Съ грустью въ душѣ уѣхалъ Николай въ Петербургъ. И дѣйствительно, такое воспрещеніе скоро наступило: онъ успѣлъ лишь издать въ Петербургѣ сборникъ обрядныхъ пѣсенъ и игръ. Кромѣ этого сборника Лисенко передѣлалъ еще въ Петербургѣ музыкальную комедію «Ридзвяну ничъ» на оперу, т. е. всѣ разговоры перевелъ въ музыкальные речитативы и ансамбли, а голосамъ—сопрано (Оксанѣ) и тенору (Вакулѣ) далъ болѣе широкій, соответствующій діапазонъ.

Лисенко пробылъ въ Петербургѣ два года. Его радушно принялъ кружокъ петербургскихъ композиторовъ; сближеніе съ ними способствовало расширенію музыкальнаго кругозора нашего композитора, познакомило его съ особенностями русской гармонизаціи, которая навела его на типичный путь южной гармонизаціи. Наконецъ, занятія у Римскаго-Корсакова увеличили его музыкальную эрудицію и раскрыли передъ нимъ новыя тайны звуковыхъ композицій. Петербуржцы даже предложили Лисенку мѣсто капельмейстера въ частной оперѣ, съ перспективой перехода на императорскую сцену, и такое мѣсто не только обезпечивало его въ матеріальномъ положеніи, но и дало бы гораздо больше времени и средствъ для его творчества. Но Лисенка тянула домой тоска по родицѣ и желаніе служить ей лишь одной, не разсѣиваясь на общеевропейскіе сюжеты.

Лисенко возвратился въ Кіевъ въ 1878 г. и сталъ снова завоевывать себѣ матеріальное положеніе. Но теперь уже ему пришлось отстаивать каждый свой шагъ.

Несмотря на всё затрудненія, несомнѣнный виртуозный талантъ Лисенка, его музыкальныя знанія, наконецъ, особенный талантъ преподаванія завоевали ему симпатіи общества: опять появились уроки и стали расти, захватывая все его время на педагогическій трудъ. Но и въ этотъ трудный для него періодъ онъ не покидалъ своего музыкальнаго творчества. Къ этому періоду относятся его элегантныя фортепянные вещицы—«Мрія», «На солодкимъ меду», «вальсъ меланхоликъ» и другія. Такъ какъ запрещеніе малорусскаго слова оставалось попрежнему, то онъ въ этотъ періодъ пишетъ преимущественно для фортепяна и издаетъ лишь сборники народныхъ пѣсенъ: этнографическій матеріалъ можно было проводить, хотя и съ большими затрудненіями. Среди неусыпныхъ учительскихъ трудовъ для добыванія средствъ къ жизни, Лисенко все-таки похищаетъ у своего отдыха и моменты для творчества, и хотя бы для архива, а продолжаетъ писать музыку къ словамъ Шевченка; онъ словно поставилъ своей задачей—возродитъ въ художественныхъ звукахъ народныхъ геніальную лиру поэта,—и дивныя мелодіи на стоны и вопли души поэта растутъ, развиваются въ своей силѣ и красотѣ, окрыляютъ волшебное слово и, сплетаясь съ нимъ, завоевываютъ другъ другу безмертіе. Такъ появляются: «Мени однаково», «Мынають дни, мынають ночи», «Доля», «Гетьманы, гетьманы», и многіе другіе романсы, аріи, думы и т. п. Объ операхъ, излюбленномъ родѣ творчества, въ то время нельзя было и мечтать Лисенку: осуществленіе такого творчества на сценѣ было немислимо, а творить безнадежно, отказывалась фантазія.

Но въ 1880 г. Высочайшей волей отмѣняется тяготѣвшее надъ украинскимъ языкомъ запрещеніе и разрѣшаются снова, хотя и съ ограниченіями, сценическія представленія на малороссійскомъ языкѣ, и печатаніе на немъ произведеній изящной словесности. Этотъ лучъ солнца оживилъ снова сердца истинныхъ патріотовъ, ибо кто не любитъ родины, тотъ не можетъ любить и отечества. У Лисенка воскресла надежда, а съ ней и энергія творчества. Въ 1881 году онъ прїѣзжаетъ ко мнѣ въ село, и мы снова затѣваемъ оперу; но Лисенко предпочелъ теперь другую тему: «Тарасъ Бульба». Обдумавши и обсудивши музыкальные моменты, я принимаюсь съ горячностью за либретто и оканчиваю его въ двѣ недѣли, въ чисто оперномъ стилѣ, безъ всякихъ разговоровъ; тамъ же началъ писать музыку и Лисенко, да такъ успѣшно, что за лѣто было окончено почти два акта. Музыка

„Тараса Бульбы“ сдѣлала такой шагъ впередъ въ силѣ композиціи и музыкальной изобрѣтательности, что передъ нею музыка «Риздвняной ночи» совсѣмъ поблѣднѣла. Ободренный и нами, диллетантами, и нѣкоторыми специалистами музыки, Лисенко со страстностью принялся работать и въ Кіевѣ надъ «Бульбою», отрывая для него послѣднія крохи у своего отдыха.

Когда было разрѣшено публичное исполненіе всякаго рода музыкальных произведеній съ малорусскимъ текстомъ, Лисенко принимается снова за организацію хора и ищетъ для него массу вводил-бетовъ на малорусскіе и славянскіе мотивы. Вообще, творческая дѣятельность его снова направляется на созданіе культурной и пѣсенной музыки; Шевченко продолжаетъ иллюстрироваться дальше, къ нему присоединяется и Гейне, въ переводѣ Леси Украинки; издаются написанныя прежде романсы, издаются десятками пѣсни, разложенныя для хорового исполненія.

Между тѣмъ въ Кіевѣ снова возникла мысль организовать изъ любителей украинской сцены драматическое общество и начать рядъ спектаклей. Но душа общества, Марья Феодоровна Линдфорсъ, не была уже въ живыхъ; сестра ея Софія Ф. вышла замужъ за Русова и оставила тоже Кіевъ, а Л. И. Марковскій былъ боленъ; такъ и тянулся вопросъ о составленіи украинской труппы любителей. Впрочемъ, шестимѣсячный трауръ послѣ кончины имп. Александра II-го заставилъ отложить этотъ вопросъ, а пришедшее въ апрѣлѣ извѣстіе, что составилась уже профессиональная украинская группа, подъ управленіемъ Ашкаренка, упразднила его совсѣмъ.

Лисенко оставилъ на время «Тараса», исполненіе котораго требовало серьезныхъ оперныхъ силъ, а сталъ писать для народившейся труппы въ болѣе легкой формѣ комическую оперу «Утоплени», для которой либретто я немедленно написалъ по Гоголю. Къ осени уже эта опера была готова. Музыка, какъ нельзя болѣе, удалась Лисенку; сохраняя колоритъ народный, она передаетъ весь поэтическій лиризмъ этой майской ночи, этой пѣсни любви, въ изысканной формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ рисуешь изобразительно и комическіе характеры, и комическія сцены. Эта опера была мною поставлена лишь тогда, когда я сталъ во главѣ украинской труппы и увеличилъ силы оркестра и хора, а также увеличилъ и контингентъ пѣвцовъ. Нечего и говорить, что опера пользовалась вездѣ выдающимся успѣхомъ и давала полные сборы.

Съ появленіемъ на украинскомъ горизонтѣ Ашкаренка, а потомъ и товарищества Кропивницкаго, начинается общее увлеченіе украинской сценой. Въ 1882 г. «Риздвина ничъ», въ оперной перодѣлкѣ, ставится антрепренеромъ Пальчинскимъ въ Харьковѣ и имѣеть большой успѣхъ. Въ слѣдующемъ году другой антрепренеръ, Медвѣдевъ, ставитъ ее въ Одессѣ, еще съ большимъ успѣхомъ. А потомъ я, въ 1887—88 гг., не имѣя оперныхъ силъ, ставилъ ее драматической труппой въ столицахъ, конечно, съ купюрами и разговорами, но тѣмъ не менѣе опера давала прекрасные сборы.

Лисенко безвыѣздно проживалъ въ Кіевѣ, давалъ уроки музыки. занимался ею въ институтѣ, гдѣ получилъ мѣсто инспектора музыки, работалъ и въ частной школѣ Блюменфельда, а потомъ и въ школѣ Тупковскаго, въ которой состоитъ преподавателемъ и по настоящее время. Уроки, уроки, уроки—поглощали все его время, истощали до изнуренія, а между тѣмъ нельзя было ихъ убавить. Жизнь требовала средствъ, семья увеличивалась; а если и оставались минуты для отдыха, то нужно было и ихъ отдать какому-либо общественному дѣлу, какой-либо товарищеской работѣ, такъ какъ Лисенко ни отъ какой обязанности не отказывался. Нужно изумляться, откуда онъ отрывалъ еще мгновенія для творчества. А оно не прекращалось: за это время Лисенко окончилъ «Тараса Бульбу» и почти совершенно оркестровалъ его, написалъ для дѣтей три оперы, создалъ много культурныхъ мелодій для одного, двухъ, трехъ голосовъ, издалъ массу хоровъ, сборниковъ народныхъ пѣсень, скомпановалъ много блестящихъ пьесъ не только для фортепьяно, но и для скрипки, флейты, и для оркестра.

Несмотря на годы и страшное переутомленіе въ погонѣ за черствымъ кускомъ хлѣба, несмотря даже на болѣзнь, причиняющую ему въ послѣдніе годы сильныя страданія,—сила духа и вѣра въ правоту своихъ убѣжденій у нашего славнаго композитора на столько глубоки, что поддерживаютъ и до сихъ поръ въ немъ неослабно энергію во всѣхъ родахъ его многосторонней дѣятельности, а передъ силой таланта отступаютъ и побѣждающіе все годы. Болѣзнь и изнурительный трудъ не убили въ немъ творческой продуктивности; онъ все еще творитъ и создаетъ новыя высокохудожественныя произведенія: кромѣ элегическихъ вещицъ для фортепьяно, глубоко прочувствованныхъ мелодій для пѣнія, красныхъ гармонизацій для хора, онъ въ послѣд-

ніе годы написавъ музыку и для моей пьесы «Чаривный сонъ» и пишетъ двѣ двухъ-актныхъ оперы—«Сафо» (либретто Л. М. Старицкой) и «Остання ничъ» (либретто мое).

До какой степени Лисенко скромнѣе въ оцѣнкѣ своихъ музыкальныхъ произведеній и даже робокъ въ предложеніи ихъ къ исполненію, можетъ служить иллюстраціей его поведеніе съ «Тарасомъ Бульбой». Болѣе десяти лѣтъ лежитъ въ его портфель совершенно готовая опера, и онъ ее не предлагаетъ кіевскимъ антрепренерамъ, не предлагаетъ изъ боязни показаться навязчивымъ. Между тѣмъ старые знакомые Лисенка, знающіе его талантъ, Альтани, директоръ Императорской московской оперы, и Барцалъ—пѣвецъ и режиссеръ оной, просятъ, чтобъ Лисенко далъ имъ эту оперу, и они немедленно ее поставятъ на Императорской сценѣ; но Лисенко колеблется и не можетъ преодолѣть ревниваго чувства къ своему языку, который для Императорской сцены долженъ быть замѣненъ русскимъ. Наконецъ, друзья уговариваютъ его сдѣлать эту уступку слову, въ видахъ огромной пользы для музыки. Переводъ текста сдѣланъ, но Лисенко все-таки медлитъ отослать въ Москву оперу, отговариваясь тѣмъ, что яко бы что-то недооркестровано... Наконецъ, пріѣзжаетъ въ Кіевъ покойный Чайковскій, навѣщаетъ Лисенка и проситъ демонстрировать своего «Тараса», о которомъ слыхалъ въ Москвѣ. Лисенко смалодушествовалъ (это было при мнѣ) и хотѣлъ было уклониться, но Чайковскій настоялъ... Почти всю оперу прослушалъ нашъ знаменитый маэстро съ глубокимъ вниманіемъ, выражалъ въ иныхъ мѣстахъ восторженныя одобренія; его особенно плѣняли тѣ мѣста, въ которыхъ наиболѣе вырисовывался національный колоритъ. Чайковскій обнялъ Лисенка, поздравилъ его съ талантливымъ произведеніемъ и просилъ ѣхать съ нимъ немедленно въ Петербургъ, гдѣ онъ поставитъ эту оперу непременно. Помню, что Лисенко былъ опьяненъ похвалою такого геніальнаго композитора и собрался было съ оперою въ путь, да приздумался, и такъ надолго, что Чайковскій успѣлъ умереть.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и въ Кіевъ пріѣхалъ бывший профессоръ Лисенка, Римскій-Корсаковъ; навѣстилъ его и приглашалъ своего ученика въ Петербургъ для постановки «Тараса Бульбы». Лисенко обѣщала пріѣхать; но и опять не поѣхалъ: очевидно его пугала мысль, что дорогое дѣтище будетъ преподнесено публикѣ не на родномъ языкѣ, а,

можетъ быть, и свойственная истиннымъ талантливымъ людямъ скромность дѣлала его нерѣшительнымъ.

И кончаю свои воспоминанія. Послѣдующая жизнь Лисенка протекаетъ передъ глазами всѣхъ, но существенныхъ перемѣнъ, имѣющихъ вліяніе на внутренній складъ его духа, въ ней уже нечего ожидать. Характеръ его, убѣжденія вполне сложились, а 60 лѣтъ тяжелой жизни доказали, что убѣжденій этихъ не могло ничто поколебать. Заканчивая эти строки, я невольно пробѣгаю мыслью всю жизнь нашего композитора—отъ счастливаго дѣтства избалованнаго ребенка, окруженнаго роскошью и обожаніемъ родныхъ, до тяжелыхъ дней старости,—композитора выдающагося таланта, обреченнаго нести лямку учительскаго труда для поддержанія своей многочисленной семьи. Послѣдующіе біографы отмѣтятъ, конечно, болѣе систематически, чѣмъ это сдѣлано мною, вліяніе на Лисенка окружающей среды и эпохи; они установятъ преемственную связь его музыкальнаго творчества съ предшествующей ему украинской музыкальной эпохой, вліяніе на музыку Лисенка новыхъ теченій музыки европейской, — я же хочу отмѣтить въ заключеніе лишь одну черту характера Лисенка, проходящую красной нитью черезъ всю его жизнь.

Эта черта—сила убѣжденія, давшая композитору нашему желѣзную волю, согнуть которую не могли ни вѣшнія бури, ни мелочи жизни, обрушившіяся всей тяжестью на него. Если эта сила убѣжденій да истинный талантъ и стяжали Лисенку симпатію и уваженіе родной страны,—то въ личной его жизни они являлись только источникомъ матеріальныхъ бѣдствій и глубокихъ ударовъ самолюбію артиста. Они помѣшали ему сдѣлать какую-бы то ни было карьеру: талантъ гнулся на низменныхъ средствъ для борьбы съ торгашами искусства, пламенная же любовь къ родинѣ, которую онъ всегда открыто исповѣдывалъ, явилась причиною всевозможныхъ гоненій, преслѣдовавшихъ Лисенка во все время его тернистаго жизненнаго пути. Слабый и поддающійся чужому вліянію въ разныхъ мелкихъ вопросахъ жизни, онъ не поступался своимъ *profession de foi* ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ!

Эта сила убѣжденія и глубокій патріотизмъ, для котораго Лисенко пожертвовалъ всѣмъ—матеріальнымъ успѣхомъ, славой и даже личнымъ счастьемъ, поднимають его біографію до общечеловѣческаго интереса и по справедливости ставятъ его въ ряды героевъ чело-вѣческаго духа.

М. Старицій.
